

Введение

История как наука и история как учебный предмет, прежде всего школьный, остаются в современном мире ареной противостояния: линия водораздела проходит по национальным границам, границам блоков, а также определяется политическими, мировоззренческими предпочтениями. Распад Советского Союза и утрата коммунистической идеологией доминирующих позиций открыли отечественным и зарубежным учёным-историкам, педагогам, методистам, школьным учителям истории возможность для диалога, выявления исторических истин и адекватного их отражения, в том числе и содержания образования. Однако и в исторической науке, и в школьных учебниках истории наблюдаются различные, порой взаимоисключающие трактовки даже, казалось бы, самых известных исторических фактов. Объяснить это лишь научным плюрализмом невозможно.

Историческая наука и школьное историческое образование всегда этноцентричны. Этноцентризм при этом проявляется не только в самооправдании, апологии своего этноса, преломлении взгляда на исторический процесс через ценности собственной этнической группы, но и нации, группы наций, составляющих государственное или надгосударственное объединение [108, с. 10]. Показательно то, что безрезультатными оказались попытки создания универсального европейского школьного учебника истории, инициированные Советом Европы, хотя они способствовали выработке более или менее согласованных позиций относительно отбора содержания школьного исторического образования [7].

В постсоветский период у части российских учёных – историков и педагогов, а также учителей появились ожидания, нередко иллюзорные, того, что «новая» демократическая Россия наконец-то войдёт в «семью» западных народов, прежде всего европейских. Западная историография рассматривалась

как источник обновления российской историографии, а зарубежные школьные учебники истории служили своего рода образцами отбора содержания материала и трактовки исторических событий, в том числе и Второй мировой войны. Плюрализм трактовок исторических событий, породивших многообразие исторических концепций, сблизили отечественную и западную науку, но, как оказалось, видение друг друга, в том числе и историческое, в целом остаётся российским или западным.

Обращает на себя внимание то, что современные школьники в западных странах, входивших в состав антигитлеровской коалиции, к врагам своих народов в годы Второй мировой войны причисляют не только Германию и её союзников, но и Советский Союз. В современных историографических трактовках и особенно учебной исторической литературе некоторых стран ближайшего зарубежья наша страна – страна-победительница – трактуется как оккупант, а участие националистических организаций своих стран в войне на стороне фашистской Германии как освободительная война против Советов, Российской империи.

Вместе с тем сравнительный анализ зарубежных и отечественных школьных учебников истории позволяет выявить точки соприкосновения относительно истории Второй мировой войны. В истории Второй мировой войны можно выделить события, которые обозначаются как ключевые, поскольку они определили её ход и результаты. Именно они обязательно освещаются и в российских, и в зарубежных учебниках и могут быть положены в основу сравнительного анализа – количественного и качественного. Однако в отечественных и зарубежных школьных учебниках истории одним и тем же событиям отводится разное по объёму количество информации и они по-разному трактуются. Кроме того, дискуссии ведутся относительно причин и результатов войны, ответственности за её развязывание и т.д.

В представленном исследовании нас интересует историческая наука как фактор формирования содержания школьного исторического образования. В

этой связи в работе даётся представление о трансформации историографии Второй мировой войны и её преломлении в содержании школьных учебников США, Великобритании, Германии и России. Опора на историографию необходима, поскольку даёт возможность определить, каким трактовкам ключевых событий в школьных учебниках истории отдаётся предпочтение, как они излагаются, поскольку содержание образования не может отразить весь объём научных знаний. Кроме того, на отбор содержания образования влияют и ненаучные факторы – политические, идеологические.

Исследование зарубежной историографии в СССР выполняло задачу опровержения взглядов «фальсификаторов истории». Вместе с тем, изучение советской историографии зарубежными учеными эпохи «холодной» войны также не может претендовать на полную объективность, поскольку часто было направлено ещё и на изобличение советской «пропагандистской машины». Ситуация в нашей стране начала меняться с конца 1980-х – начала 1990-х годов, когда стали рушиться идеологические барьеры и появилась возможность диалога с западными учёными. Новые реалии нашли отражение в работах А.С. Барсенкова, И.И. Минца, В.М. Кулиш, А.Н. Мерцалова, Л.А. Мерцаловой, Ю.А. Полякова, Б.С. Тельпуховского и др., исследовавших отечественную историографию Второй мировой войны. Концептуальные идеи и взгляды западных научных школ в нашей стране исследовались А.А. Даниловым, А.Н. Мерцаловым, Л.А. Мерцаловой, Н.А. Нарочницкой, Г.Г. Самсоненко, М.И. Фроловым, А.С. Якушевским. Зарубежная историографическая наука представлена такими известными учеными, как Ц. Браунинг, Д. Гольдхаген, Д. Йоффе, К. Ноак, М. Макколей, Р. Мюллер, Н. Тумаркин и др.

Теорию учебника, его роль и место в целостном педагогическом процессе, основные принципы построения содержания образования рассматривали В.П. Беспалько, Г.М. Донской, Д.Д. Зуев, В.С. Леднев, К.Г. Митрофанов, М.Н. Скаткин и др. Среди важнейших принципов отбора содержания образования

отечественные педагоги отмечали принцип научности, которому часто противоречит субъективизм в исторической и методической науке.

Согласно В.С. Леднёву и М.Н. Скаткину, содержание образования развертывается на нескольких уровнях – соцзаказ, госстандарты, учебные планы, учебные программы, школьные учебники. Однако научные концепции и подходы отражаются только на уровне учебников, все предыдущие уровни с большей или меньшей детализацией задают лишь рамки содержания образования. В силу этого в данном исследовании в качестве носителя содержания школьного исторического образования рассматриваются прежде всего школьные учебники истории, содержание материала в которых и является основным объектом сравнительного изучения.

Глава 1. Историческая наука как фактор формирования содержания школьного исторического образования

Содержание школьного образования, бесспорно, основывается на содержании конкретной науки, однако не является её «копией». Поэтому историческую науку не следует понимать как единственный источник и основу формирования школьного исторического образования.

История как отрасль научного знания и область исследования имеет важную особенность: результаты научной работы в немалой степени зависят от методологических установок, общественно-политических взглядов исследователя. Кроме влияния мировоззренческого фактора на непосредственные результаты научных изысканий, появлению противоречий в трактовках исторических событий разными научными школами способствует также отсутствие признанной всеми исследователями аксиоматической базы, понимаемой как совокупность аксиом и следующих за ним дедуктивных выводов [133, с. 63]. Этим и объясняются значительные расхождения в трактовках одних и тех же исторических явлений разными научными школами.

Однако отсутствие унифицированности исторических концепций не следует рассматривать как негативное явление. Стремление максимально объективировать исторические исследования, исключить субъективизм ученого может привести к потере историей самой сущности науки – объяснения фактов, установления закономерностей и законов как цели исторических исследований. Кроме того, научные дискуссии и споры по какой-либо проблеме чаще всего являются катализатором развития науки.

В основе научных взглядов историков-исследователей Второй мировой войны, как и ученых, изучающих любые другие исторические события, лежат концепции – подходы, руководящие идеи, определенные способы понимания, трактовки какого-либо предмета [127], а также парадигмы – научные теории или модели, принятые в качестве эталона решения исследовательских задач.

Однако в науке пока отсутствует четкое деление между парадигмами и концепциями. Большинство исследователей рассматривают парадигму как более общую категорию по отношению к концепции. В гуманитарных науках разведение понятий парадигмы и концепции представляется более сложным из-за значительного разнообразия мнений, взглядов ученых по одной и той же проблеме, а также большой доли субъективизма в исторических исследованиях. В данном исследовании под парадигмой будем понимать научное положение, ставшее основой построения собственных концепций многими учеными, руководящей идеей многих исследований историков.

Исследование отражения истории Второй мировой войны в учебниках в настоящей работе базируется на рассмотрении трактовок ключевых событий Второй мировой войны в отечественной и зарубежной историографии. С одной стороны, прежде всего трактовка ключевых событий даёт представление об историографических концепциях и мировоззренческих установках их авторов. С другой стороны, в силу естественных ограничений в отборе содержания образования (лимит учебного времени, психофизические возможности школьников) именно ключевые события находят отражение как в отечественных, так и зарубежных школьных учебниках истории. Кроме того, выделение этих ключевых событий и характер их трактовок могут быть положены в основу сравнительного анализа школьных учебников.

К ним чаще всего относят:

- Мюнхенские соглашения;
- пакт Молотова-Риббентропа;
- нападение гитлеровской Германии на Советский Союз;
- создание антигитлеровской коалиции;
- битву под Москвой;
- Сталинградскую битву;
- блокаду Ленинграда;
- вступление США в войну;
- открытие второго фронта;

- разгром немецко-фашистских войск и окончание войны.

1.1. Влияние исторической науки на содержание школьного исторического образования

Исследуя проблемы влияния исторической науки на содержание школьного исторического образования, необходимо прежде всего рассмотреть соотношение науки и учебного материала. Эта проблема в педагогике сводится, прежде всего, к теориям формирования содержания образования и связана с целями обучения и воспитания в образовательных учреждениях. Проблемы содержания образования в отечественной педагогической науке рассматривали В.В. Краевский, В.С. Леднев, И.Я. Лернер, М.Н. Скаткин и др. В большинстве исследований содержание образования трактуется в двух вариантах: 1) с позиций знаниево-ориентированного подхода как «совокупность систематизированных знаний, умений и навыков, взглядов и убеждений, а также определенный уровень развития познавательных сил и практической подготовки, достигнутый в результате учебно-воспитательной работы [100]; 2) с позиций личностно-ориентированного подхода как «педагогически адаптированная система знаний, умений и навыков, опыта творческой деятельности и эмоционально-ценностного отношения к миру, усвоение которой обеспечивает развитие личности» [101, с. 256]. В.С. Леднев отмечает, что «содержание образования – это содержание процесса прогрессивных изменений свойств и качеств личности» [64, с. 26]. В педагогической науке XX в. долгое время был популярен знаниево-ориентированный подход к определению содержания образования, однако в последние десятилетия под влиянием идей гуманизации образования все более утверждается личностно-ориентированный подход.

Проблема соотношения науки и содержания учебного материала привлекала особое внимание отечественных педагогов, поскольку содержание образования в нашей стране часто пересматривалось в связи неоднократной

ломкой парадигмы развития образования (образование в царской России – школа 20-х гг. – советская «школа учебы» – политехнизация школы – демократизация школы в последние два десятилетия – профилизация среднего образования). В отечественной педагогической науке можно выделить несколько этапов осмысления и решения данной проблемы [15]. До середины XX в. большинство педагогов рассматривали науку как основу учебного предмета, всецело определяющую его содержание и структуру. Начало дискуссии по проблеме «наука – учебный предмет» положила серия статей М.Н. Скаткина, опубликованных в журнале «Советская педагогика» в 1945 г. В статье «Наука и учебный предмет» он отметил, что «неправильно рассматривать учебный предмет как механически уменьшенную, систематизированную копию науки, передающую все ее содержание и в той же последовательности, но только в уменьшенном, сжатом виде» [111, с. 3]. М.Н. Скаткин говорил о необходимости учитывать возможности восприятия учащимися теоретического материала.

Следующим важным шагом в разработке проблемы соотношения науки и учебного предмета стала дискуссия на страницах журнала «Советская педагогика» в 1965 г., в которой приняли участие многие известные специалисты в области теории содержания образования [79]. Исходным положением в дискуссии стало положение Ф.Ф. Королева об учебном предмете как «дидактической переработке данных науки». В целом содержание всех мнений, отраженных в дискуссии, можно свести к двум основным позициям: согласно первой учебный предмет представляется изоморфным науке, он отражает данные науки, однако дидактически переработанные (Ф.Ф. Королев, Э.Г. Юдин и др.); сущность альтернативной позиции состоит в том, что учебный предмет рассматривается как система, включающая в себя не только научные знания, но и опыт деятельности, эмоционально окрашенные образы и факты и т. п. (Г.П. Щедровицкий, Ф.П. Коровкин и др.). Таким образом, разница этих точек зрения состоит в определении степени отражения научных знаний в учебном предмете: либо учебный предмет целиком передает

содержание соответствующей отрасли науки, либо лишь частично его содержание соответствует содержанию науки.

В конце 60-х гг. в отечественной науке утверждается термин «теория построения учебного предмета» [3, с. 21]. Выходят в свет несколько работ, посвященных данной проблеме. В монографии И.И. Логвинова подчеркивается, что содержание учебного предмета нельзя рассматривать как уменьшенную копию науки уже потому, что наука и образование имеют разные цели и задачи [67]. Критикуя позицию И.И. Логвинова, Ф.А. Виданов утверждал, что содержание учебного предмета производно от науки и поэтому его структура определяется структурой науки [16].

Важнейшей составляющей проблемы «наука – учебный предмет» является вопрос о соотношении предмета науки, с одной стороны, и школьной дисциплины, с другой. Ответ на данный вопрос дает В.С. Леднев [64]. По его мнению, предмет науки является объектом изучения школьной дисциплины, а предмет изучения любой школьной дисциплины не имеет аналога в научной сфере. Это обусловлено особенностями изучения основ науки, предопределяемыми целями общего образования. К специфике изучения объекта относится неполное отражение в содержании учебного курса содержания науки и включение в его структуру системы умений и навыков, не свойственных в принципе содержанию науки [64, с. 99-100].

В.В. Краевский и И.Я. Лернер исследовали структуру содержания школьного учебного предмета и определили место науки в нем [122]. По их мнению, содержание учебного предмета в системе общего образования можно разделить на два блока: 1) основной, включающий в себя научные знания, способы деятельности и воспитание отношений; 2) вспомогательный (процессуальный), содержащий способы деятельности и формы организации учебного процесса [122, с. 198-199]. В зависимости от целей школьной учебной дисциплины удельный вес этих компонентов может варьироваться. На основе исследований В.С. Леднева, В.В. Краевского и И.Я. Лернера можно сделать вывод о том, что наука является основным, но не единственным источником

формирования содержания образования в общеобразовательной школе и в то же время важнейшим фактором, определяющим его структуру. С 1980-х гг. в отечественной педагогической науке становится доминирующей точка зрения, согласно которой учебный предмет не является моделью, уменьшенной копией науки, но он есть особая модель, построенная на основе научных знаний исходя из социальных и педагогических задач, которые решает школа [3, с. 33].

Дискуссии в педагогике по проблеме «наука – учебный предмет» имеют прямое отношение к содержанию школьного исторического образования. Так, в 1940 – 1950-е гг. школьный предмет «история» воспринимался как уменьшенная копия науки, соответственно этому издавались учебники, в которых недооценивались методический аппарат, воспитательная и учебная направленность [15, с. 99]. В 1960-е гг. были изданы новые учебники. Отбор материала в этих учебниках осуществлялся с учетом возрастных особенностей учащихся [15, с. 100]. В 1970 – 1980-х гг. содержание учебного материала по истории все более «педагогизируется». Это выражается в возрастании роли педагогических факторов в построении содержания учебного материала и учебной книги: образовательно-воспитательные задачи обучения, дидактические принципы, психологические категории [3, с. 28].

В 90-е гг. в условиях демократизации учебного книгоиздания единые принципы отбора материала были забыты. Это привело к тому, что многие учебники истории были перегружены фактами, теориями без учета возрастных возможностей учащихся [5, с. 28]. В некоторых отечественных учебниках 90-х гг. игнорировалась воспитательная цель изучения истории. Это проявлялось в том, что авторы часто вскрывали «болевы точки» российской истории, «изобличали» отдельные периоды истории российского государства. Российские учебники последнего десятилетия отличаются лучшей концептуальной проработанностью как в историческом, так и в педагогическом отношении [5, с. 29].

В зарубежной педагогике проблема соотношения науки и учебного предмета не привлекает большого внимания, поскольку критерии отбора и

представления научного материала в учебниках основаны на опыте длительного развития учебного книгоиздания. Гораздо более важной на Западе в связи с глобализацией является проблема соотношения национального, европейского и мирового контекстов в учебниках истории. В нашей стране эта проблема неактуальна, так как история изучается в рамках двух отдельных дисциплин – истории России и Всеобщей истории.

Первые конференции по проблемам школьного исторического образования, проведенные под эгидой Совета Европы в 1960-х гг., констатировали, что в школьных учебниках в трактовке общеевропейских проблем доминировала «национальная перспектива» с идеей политического или культурного превосходства той или иной крупной державы континента [48, с. 116]. Совет Европы рекомендовал пересмотреть учебные планы по истории и содержание школьной учебной литературы для того, чтобы национальную историю рассматривать как часть истории Европы. В 1965 г. экспертами в области образования были выделены 25 тем, которые не должны рассматриваться в узконациональных рамках, но только в общеевропейском контексте [48, с. 118]. В числе их и Вторая мировая война. Однако рекомендации Совета Европы были приняты не всеми странами.

Новая «волна» интереса к проблеме соотношения национального, общеевропейского и мирового контекстов в содержании школьного исторического образования проявилась в 1980-е гг. В 1983 г. была опубликована Рекомендация Комитета министров Совета Европы «Содействие осознанию Европы в средних школах». В 1988 г. принята резолюция Совета Министров образования Европейского Сообщества [193]. В этих документах констатировалось отсутствие целостной истории Европы. Совет Европы призывал пересмотреть содержание исторического образования на основе единой для всех национальных образовательных систем стран Европы воспитательной цели – «воспитание граждан Европы и мира», уважающих демократию и права человека. Однако во многих европейских странах национальная история лишь формально включена в европейский и мировой

контекст. Этот факт отмечался многими педагогами и экспертами Европейского Союза в области образования. Э. Лоу-Биэр объясняет его тем, что 1980-е гг. в развитии ряда европейских стран стали периодом роста «национального самосознания и националистических демонстраций» [176, с. 19]. Проблема координации национального и европейского контекстов истории в образовательных программах и учебниках не решена до сих пор. Она стала еще более актуальной в связи с углублением процессов интеграции в 1990-е гг. Свидетельство тому – значительное число конференций по проблемам содержания исторического образования, проведенные за последние два десятилетия [142, 168, 173, 175, 184].

Несмотря на различия систем школьного исторического образования, особенности научно-педагогических дискуссий по проблемам содержания образования и школьных учебников истории в нашей стране и за рубежом можно выделить ряд общих фактов, характеризующих влияние историографии на содержание исторического образования. Прежде всего это касается проблемы соотношения исторической науки и содержания учебника истории.

При любом подходе к определению понятия «учебный предмет» одной из его основ признаются научные знания, однако педагогически адаптированные к возрастным возможностям учащихся и дидактически переработанные с учетом специфики условий и целей обучения и воспитания. Таким образом, школьный предмет не является наукой в полном смысле слова, но в своей основе включает систему знаний, отвечающих критериям научности, отобранных с учетом требований принципа доступности. В связи с этим, многие особенности науки, научные законы и теории, труднодоступные для понимания в школьном возрасте, остаются за рамками содержания школьного образования. Наука развивается диалектически, однако диалектический ее характер, как правило, не отражается в содержании общего среднего образования. В большинстве случаев сущность и содержание научных дискурсов по какой-либо проблеме также остаются вне рамок содержания школьных учебных предметов, в том числе и школьных курсов отечественной и всеобщей истории.

Влияние науки на содержание школьного образования ограничено также техническими сложностями издания и переиздания учебной литературы. Определенный разрыв между развитием науки и учебником неизбежен. Современные научные достижения, открытия, концепции и теории не могут получить немедленного отражения в содержании школьной учебной книги [136, с. 13]. Это связано, во-первых, со все более увеличивающейся динамикой развития науки, во-вторых, с трудностями и нерациональностью частого переиздания учебников. Американский исследователь Р. Майер отмечает, что школьные учебники «не могут соответствовать современному состоянию научных исследований» [68, с. 54].

Отличие школьной дисциплины от науки проявляется также в их основных цели и задачах. Наиболее ярко это отличие проявляется в предметном содержании школьных дисциплин и наук гуманитарного цикла. Общепринятой целью научного познания является получение нового объективного знания, т. е. знания, не зависящего от познающего субъекта, выраженного в форме законов, закономерностей, теорий. При этом научная истина может не всегда согласовываться с генеральной целью общего среднего образования – развитие тех свойств личности, которые нужны ей и обществу для включения в социально ценную деятельность [99, с. 143]. В связи с этим, многие научные факты, закономерности, законы и теории не всегда находят свое отражение в содержании школьного образования. Ярким примером данного положения является стремление авторов большинства школьных учебников истории «уйти» от рассказа о трагических страницах истории родной страны, фактах, которые могут сказаться негативно на воспитании патриотизма.

В последнее время в России и в зарубежных странах увеличился масштаб дискуссий по вопросам содержания школьных учебников истории, основную проблематику которых можно обозначить как решение задачи выбора между правдой и целесообразностью при создании школьной учебной книги [46, с. 220]. Ответ на вопрос о том, должен ли автор учебной книги скрупулезно освещать национальный и мировой исторический процесс, не упуская из виду

все сколько-нибудь значимые исторические факты, в том числе и ярко раскрывающие «болевы́е точки» отечественной истории, или производить отбор фактов с основной прагматической целью – воспитание уважения к национальной истории, чувства патриотизма и т. п. – до сих пор однозначно не решен. Значительная часть ученых отдает приоритет целесообразности в создании школьного учебника по истории [46, с. 221].

Тесно связанный с данной проблемой вопрос – необходимо ли в школьных учебниках истории отражать разные точки зрения по каким-либо историческим событиям – также вызывает в педагогической науке множество споров. Историческая наука, как и большинство других гуманитарных наук, распространяет плюрализм не только на исходные положения и методологию исследования, но и на его конечный результат [133]. Следовательно, в современном науковедении за историей признается право на существование разных концепций и оценок минувших событий. Однако возможно и необходимо ли в учебниках отражать содержание научных дискурсов и взгляды представителей разных научных школ по какой-либо конкретной проблеме – на этот вопрос единого ответа нет. Некоторые педагоги и историки предлагают вводить в учебник материал об оценках исторических фактов разными историками, предлагая учащимся самостоятельно сформировать собственное отношение к минувшему событию. Так, например, А. О. Чубарьян отмечает: «Лучше представить им (учащимся) разные точки зрения, показывая им в определенных пределах сложность исторического процесса, с тем чтобы они больше работали самостоятельно» [136, с. 13]. В отечественной дидактике и методике преподавания истории получил развитие т. н. метод альтернатив, смысл которого заключается в изучении исторического процесса через обсуждение и сопоставление разных взглядов на исторические события на уроке [118, с. 37-38].

Оппоненты сторонников необходимости представления в учебниках взглядов разных научных школ апеллируют к психофизиологическим и интеллектуальным возможностям учащихся. По мнению Н. Смирнова, ребенок

в школьном возрасте еще не готов сделать осмысленный выбор между научными направлениями. Не имея способности разобраться в научных основаниях различных толкований одного и того же события, он получает опыт необязательности выводов науки, что может привести к резкому снижению мотивации изучения истории [113, с. 167]. Негативные последствия перенесения плюралистичности подходов и оценок, признаваемых наукой, в российские школьные учебники для основной школы без учета возрастных возможностей и познавательных способностей учащихся признана на государственном уровне [56, с. 141].

Кроме того, возможность представления разных оценок исторических событий довольно жестко лимитирована объемом учебного времени, выделяемом на изучение истории в учебных планах. С целью подтверждения этого предположения можно проанализировать содержание государственных образовательных стандартов и программ по истории. В России существует единый государственный образовательный стандарт, включающий в себя инвариантную и вариативную составляющие. В Германии единого государственного документа, регламентирующего содержание учебных предметов средней школы, не существует. Образовательная политика находится в компетенции земель. В США единого общеобязательного для всех школ стандарта также нет. Однако фактически образовательные стандарты задаются едиными обязательными выпускными тестами [130]. Образовательная политика Великобритании, в отличие от США и Германии, строится на основе обязательного образовательного стандарта, основную часть которого составляет общегосударственный инвариантный компонент, определяющий содержание учебных дисциплин.

В большинстве образовательных стандартов и учебных программ европейских стран и США предусмотрено изучение истории с 5 класса средней школы. В некоторых учебных планах вводится пропедевтический курс истории с первого или второго года обучения. При этом количество учебных часов в неделю не превышает трех. На изучение истории XX в. выделяется от полугода

до целого учебного года, но не более. Таким образом, общее количество часов на изучение событий всего XX в. составляет не более 96. На изучение событий Второй мировой войны в средних школах России, европейских стран и США выделено от 4 до 12 уроков, при этом в отечественном школьном историческом образовании, как правило, количество часов, выделяемых на изучение событий Второй мировой войны, больше по сравнению с европейским и американским. За это время учащиеся должны пройти довольно большой объем материала: причины, ход войны на разных театрах военных действий, положение в тылу и на оккупированной территории, последствия войны и т. п. Довольно сложно представить в таких условиях качественное изучение и анализ различных подходов и научных позиций по проблемам войны.

Анализ содержания наиболее часто используемых в отечественных и зарубежных школах учебников по истории дает основание сделать вывод о том, что в большинстве учебных книг авторы ограничиваются лишь представлением собственного видения сущности и оценки исторических событий. В 62% учебников альтернативные концепции исторических событий не отражены. В 32% учебных книг авторы приводят альтернативные концепции, но лишь как вспомогательный материал, иллюстрирующий историю научных дискурсов. В этом случае авторы учебников не предлагают учащимся определить собственное отношение к историческим событиям и в основном приводят готовые выводы в одной концептуальной форме. Лишь в 6% учебных книг по некоторым важнейшим научным проблемам включены как равноправные различные научные взгляды и концепции.

В условиях ограниченного объема учебной книги и времени урока в учебниковедении сложились два подхода к отбору и представлению исторических фактов [2, с. 32]. Первый – хронологический – состоит в том, что курс истории строится на основе повествования об исторических событиях строго в хронологическом порядке, без выделения особых сюжетных линий и проблемных разделов. Аспектно-проблемный подход предполагает изложение учебного материала в виде отдельных тематических проблемных блоков,

содержащих анализ наиболее значимых исторических событий и явлений [98]. Данный подход позволяет внести в содержание школьного исторического образования элементы «лаборатории историка» и сущность основных исторических концепций важнейших событий. Однако при этом сложно сформировать у учащихся представления о целостности мирового и национального исторического процесса, умения хронологического соотнесения разных исторических событий.

Анализ содержания отечественных, европейских и американских учебников истории, наиболее часто используемых в средних школах, позволяет сделать вывод о том, что отечественное историческое образование более тяготеет к хронологическому подходу в освещении исторических событий, в европейском и американском школьном историческом образовании более популярен аспектно-проблемный подход. В 90-е гг. XX в. – начале XXI в. издано довольно много учебников, сочетающих оба подхода [2, с. 32]. Среди отечественных педагогов немало сторонников хронологического подхода. Так, например, Т. Эйдельман отмечает: «... Мы намного больше сосредоточены на выяснении конкретных фактов, они – на связи событий с современностью, на анализе ситуации в целом, словом, на общих рассуждениях... И здесь ... большое наше преимущество – слишком уж легко обсуждение, подкрепленное малым количеством фактов, может перейти в необязательную болтовню» [138, с. 43]. Однако в современной педагогической науке все больше сторонников аспектно-проблемного подхода [136].

Отбор материала и содержание школьной учебной литературы в немалой степени определяется подходом к решению проблемы координации национального и мирового контекстов истории. В мировой образовательной практике сложилось два варианта решения данной проблемы: разделение курсов отечественной и зарубежной истории и содержательное наполнение национальным и мировым контекстом единого курса всемирной истории. В отечественном школьном историческом образовании существует практика разделения курсов истории Отечества и зарубежной (всеобщей) истории. В

данном случае остро стоит проблема рассмотрения событий национальной истории в связи с мировым историческим процессом и предотвращения дублирования материала в двух отдельных курсах. В средних школах европейских стран и США преподается единый курс всемирной истории.

Отражение исторической науки в содержании школьного исторического образования преломляется через национальные ценности, культурные особенности, традиции и менталитет. Любой учебник рассчитан на изучение истории в контексте культуры и национальных ценностей той страны, в которой он издан. Данное явление можно рассматривать как пример этноцентризма. Этноцентризм в узком смысле трактуется как свойство этнического самосознания воспринимать и оценивать жизненные явления сквозь призму традиций и ценностей собственной этнической группы, выступающей в качестве некоего всеобщего эталона [128]. В основе лежит конфликт национальных ценностей. В более широком понимании этноцентризм можно рассматривать как проявление особого внимания ко всему этническому, национальному, особое чувство «мы», противопоставляющее себя глобальному, противопоставление «мы-группы» «они-группе». Так понимает этноцентризм У. Самнер: «Это такое видение вещей, при котором своя группа оказывается в центре» [108, с. 10]. В силу того, что основными общностями в мировых отношениях сегодня являются государства, в качестве особой «мы-группы» можно рассматривать именно государство. Отсюда один из аспектов сущности этноцентризма в широком смысле – рассмотрение «своего» государства, его традиций, обычаев, культуры, истории в качестве центра. Этноцентризм по-разному оценивается в науке – от рассмотрения его как чисто отрицательного явления, препятствующего межнациональному общению и международному сотрудничеству и до оценивания его как «средства защиты» от процессов культурной унификации и глобализации.

В начале 90-х гг. французский исследователь М. Ферро проанализировал содержание учебников, наиболее часто используемых в педагогической деятельности учителями разных стран [126]. На основе рассмотрения учебного

материала в учебниках по разным темам он сделал вывод о том, что «за «всемирной историей», написана ли она во Франции, в Италии или где-то еще, скрывается этноцентризм в разных формах» [126, с. 10].

Исследование содержания школьной учебной литературы показало, что этноцентризм свойственен любому современному школьному учебнику. Однако степень и формы его проявления довольно различны. Анализ отечественных, английских, американских и немецких школьных учебников истории позволяет выделить две основные формы проявления этноцентризма в учебной литературе. Этноцентризм может наиболее ярко проявляться, во-первых, в форме прямых оценочных высказываний авторов учебных книг. Наиболее часто это обнаруживается в виде попыток «оправдания» национальной истории, чрезмерной героизации отдельных ее событий. Во-вторых, его можно обнаружить в подходах к отбору содержания образования, в том, какие исторические факты создатель учебной книги считает необходимым раскрыть подробно, какие просто упомянуть, а какие оставить за рамками содержания учебника. В этом случае мировая история рассматривается вокруг национального государства как некоего центра и основное внимание уделяется национальной истории [110, с. 18]. В школьных учебных книгах, изданных в эпоху «холодной» войны как в СССР, так и за рубежом, наиболее часто встречалась первая форма проявления этноцентризма. В ее основе лежит конфронтация исторических концепций. В современных условиях этноцентризм в учебниках чаще проявляется в форме различий в подходах к отбору содержания образования. В немалой степени в этом случае сказывается влияние процессов глобализации.

В Европе все большую популярность набирает идея глобального образования. Анализируя сущность данной идеи, К. Адик пишет: «В этом случае учебные планы и содержание образования, организация обучения в национальных системах школьного образования, если несколько утрировать, не являются больше целью передачи «национального культурного достояния», мнимого или реального, но ориентированы на подготовку будущих граждан

мира... Глобальное образование включает в себя изучение проблем и тем, которые выходят за рамки национальных границ и за внутренние рамки систем – культурных, экологических, экономических, политических и технологических...» [1, с. 80]. С другой стороны, в настоящее время идут также процессы этнизации. Таким образом, этноцентричности современных учебных книг по истории противостоит идея глобального образования. Однако часто глобальное образование подменяется европоцентризмом [36, с. 178]. Кроме того, некоторые исследователи отмечают тенденцию возвращения к национальной истории, в том числе и в странах Западной Европы [22, с. 39].

Таким образом, не следует смешивать понятие школьной учебной дисциплины и науки. В учебном предмете научные знания «педагогизируются» (М.Н. Скаткин). Не все научные знания отражаются в содержании школьного образования, что связано с возрастными, умственными особенностями учащихся, а также с лимитом учебного времени. Школьная дисциплина – это стройная, логически непротиворечивая система знаний, составленная на основе единого концептуального подхода. Содержание образования детерминируется также целями общего образования, и, прежде всего, его воспитательными задачами.

В значительной степени специфику содержания школьного исторического образования определяет также этноцентричность национального самосознания. Анализ проявления этноцентризма в отечественных и зарубежных школьных учебниках позволяет определить две основные формы его проявления: он может проявляться в оценочных высказываниях авторов учебных книг, а также в превалирующем внимании к событиям национальной истории.

Таким образом, наука – основной, но не единственный источник и фактор, определяющий структуру и содержание школьного образования. И поэтому не все научные концепции исторических событий находят свое отражение в учебниках.

1.2. Подходы к освещению событий Второй мировой войны в зарубежной историографии

Научные труды западных историков в нашей стране в советское время чаще всего массовому читателю были недоступны. В связи с этим, работы представителей западной науки, изданные до начала перестройки в СССР, сегодня довольно трудно найти и на этой основе составить более или менее целостную источниковую базу. Для нас важны прежде всего оценки отечественных и зарубежных специалистов в области западной историографии Второй мировой войны, динамика этих оценок. Поэтому основная часть концепций Второй мировой войны, разработанных зарубежной исторической наукой до середины 80-х гг., в данной главе рассматривается на основе вторичных источников. Рассмотрение зарубежных концепций Второй мировой войны в исторической науке 90-х гг. XX в. – начала XXI в. базируется не только на вторичных источниках, но и на первоисточниках – трудах историков Европы и США.

Зарубежная историография (в основном американская и западногерманская) была предметом постоянного мониторинга в советской науке. Однако в те годы анализ зарубежных концепций Второй мировой войны отечественными учеными преследовал в основном цель их критического анализа и опровержения. Это и определило тенденциозные оценки зарубежной историографии отечественными исследователями. Более объективны труды современных ученых. Среди них можно выделить исследования А.И. Борозняка, Г.М. Иванова, М.И. Мельтюхова, А.Н. Мерцалова, А.С. Орлова, А.П. Рогалева, А.С. Якушевского и др. Исследования этих ученых проводились в посттоталитарную эпоху, и поэтому они свободны от «пресса» идеологии. Кроме того, современные российские специалисты по зарубежной историографии в своих трудах часто используют результаты исследований советских ученых, выделяя присущие им «плюсы» и «минусы».

В истории исследования военных событий 1939–1945 гг. за рубежом большинство отечественных и западных ученых выделяют четыре периода: 1) зарождение историографии в годы войны; 2) историография в эпоху «холодной» войны; жесткое противостояние с советской наукой; 3) вторая половина 80-х – начало 90-х гг. - историография в эпоху «потепления» международных отношений; начало продуктивного диалога зарубежной и российской историографии; 4) 90-е гг. – начало XXI в. - современная историография. Следует заметить, что четкие границы периодов развития зарубежной историографии определить невозможно, поскольку западная наука не представляет собой монолита, а существует в виде довольно большого количества разных научных школ и направлений.

Первые работы, посвященные событиям Второй мировой войны, вышли в зарубежных странах еще до окончания военного противостояния. Эти публикации в основном преследовали не научные, а военно-политические цели. А.С. Якушевский отмечает, что политически нейтральных работ в первый период развития зарубежной историографии фактически не было [140, с. 15]. Однако изучение этих публикаций с историографической точки зрения несомненно представляет большую ценность, поскольку в них можно проследить зарождение парадигм и концепций событий 1939–1945 гг., позднее популярных среди западных историков.

Все немецкие исследовательские работы, вышедшие еще до окончания войны, преследовали цель скомпрометировать Советский Союз и представить его в глазах международного сообщества как агрессивное государство. В 1942 г. была издана брошюра Ф. Дидиера «Я видел большевизм: правдивые документы против большевистской клеветы». Автор представил советский государственный строй как систему насилия, направленного не только против собственного народа, но и против других наций [140, с. 15]. Позицию Ф. Дидиера можно охарактеризовать как зарождение концепции ответственности СССР за начало Второй мировой войны, которая в последующем стала популярной среди западных историков.

Направленность большей части научной литературы о войне, изданной в США и Англии до 1945 г., была просоветской [140, с. 16]. Английские и американские исследования рассматривали Советский Союз как противника фашизма и союзника стран и народов, которые боролись против него. По подсчетам А.С. Якушевского, в 1941 – 1945 гг. в Англии и США было опубликовано около ста книг о военных буднях Советского Союза. Основа большинства этих книг – впечатления западных журналистов от пребывания в СССР. Чаще всего они носили публицистический характер и призваны были прежде всего удовлетворить тот интерес, который возник у населения западных стран к СССР после начала восточного похода вермахта. Английская и американская литература военных лет раскрывала возможности вооруженных сил и экономики СССР, ход и результаты военных действий на советско-германском фронте и т. п. [140, с. 16].

С середины 1940-х гг. начинается второй период западной историографии Второй мировой войны. А.С. Якушевский выделил два основных фактора, определявшие развитие зарубежной исторической науки: политический и источниковедческий [140, с. 18]. Спецификой данного периода зарубежной историографии явилось идеологическое противостояние двух полюсов – СССР и стран социалистического блока с США и государствами-членами НАТО. История Второй мировой и Великой Отечественной войны также становится фронтом этой борьбы. Соответственно, большинство научных работ, вышедших в западных странах в этот период, были критичными, а часто и тенденциозными в отношении анализа политики СССР в 1939–1945 гг. и его роли в победе над фашизмом. Мнение А. С. Якушевского об определяющей роли внешнеполитического фактора в развитии историографии Второй мировой войны поддерживают А.С. Орлов и А.П. Рогалев, исследовавшие американскую историографию 1945 – 1985 гг.: «В тот период в США борьба с коммунизмом выдвинулась на первый план, стала государственной политикой и освещение проблем Второй мировой войны проходило сквозь призму этой борьбы» [91, с. 82]. Это положение с полным правом можно экстраполировать

на английскую и западногерманскую науку, поскольку на внешнеполитической арене Великобритания, США и ФРГ в эпоху «холодной» войны принадлежали к одному «полюсу».

Другая немаловажная особенность зарубежной историографии периода «холодной войны» – односторонность источниковой базы. Советские архивные материалы были недоступны западным учёным. И поэтому их исследования базировались в основном на документах из немецких, английских и американских архивов. Ограниченный круг источников практически исключал возможность системного и объективного анализа истории Второй мировой войны.

В зарубежной историографии эпохи идеологического противоборства СССР и США большой популярностью пользовалась концепция ответственности Советского Союза наряду с Германией, Японией и Италией за развязывание войны. Как уже отмечалось, эта концепция зародилась еще в немецких исследованиях, проведенных до 1945 г. В конце 40-х – начале 50-х гг. концепция ответственности СССР за начало войны находит все большую поддержку также и в среде американских и английских исследователей. Один из аргументов в пользу данной концепции, широко использовавшийся в зарубежной историографии, – тезис о превентивном характере нападения Германии на СССР. По мнению сторонников тезиса о превентивной войне, Сталин готовился к нападению на Германию и другие страны первым. Гитлеровские войска напали на СССР для ликвидации угрозы, которую якобы представляла Советская Армия для немецкого государства. Эта концепция в значительной степени оправдывала предвоенную политику Германии и вторжение гитлеровских войск на территорию Советского Союза.

Как отмечает А.С. Якушевский, популярность тезиса о превентивной войне Германии против СССР в науке резко снизилась после публикации в конце 50-х гг. немецких архивных материалов, иллюстрирующих тайную подготовку нацистской Германии к войне [140, с. 27]. Опубликованные материалы министра финансов Л. Шверина Крозигка, немецкого посла в Москве В.

Шуленбурга, военного атташе Э. Кестринга и другие документы стали причиной пересмотра многих концептуальных положений войны в некоторых зарубежных научных школах [71, с. 53]. Известные историки Х. Якобсен, А. Хильман, Г. Риттер (ФРГ) признали несостоятельность концепции ответственности СССР за развязывание войны.

Однако через десятилетие популярность тезиса о превентивных военных действиях немецкой армии против Советского Союза вновь возрождается и набирает популярность в зарубежной науке: его поддерживают известные историки Н. Бруггер, У. Валенди, П. Крюгер, Ф. Фабри, Г. Хертле в Германии, в США – Н. Бетелл, Э. Зимке, Л. Лефор, Н. Рич, Д. Хогган, в Англии – Х. Коч [51, с. 20].

В 1971 г. в Германии большим тиражом издается книга Г. Хертле с характерным названием «Ответственность победителей за войну». Автор оправдывает нападение Германии на СССР угрозой «окружения» Германии: «...вокруг рейха снова замкнулось кольцо окружения... Теперь Гитлер был вынужден начать превентивную войну против развертывающийся Красной Армии» [цит. по: 51, с. 20]. В 1977 г. в Англии издана книга Д. Ирвинга «Война Гитлера», годом позже в ФРГ выходит монография Э. Хельдмана «Нападение?». Эти исследования посвящены рассмотрению проблемных вопросов начала войны. Авторы данных монографий рассматривают политику СССР в 1939–1941 гг. как экспансионистскую, а нападение Германии на Советский Союз как принятие вермахтом необходимых «мер предосторожности». Д. Ирвиг и Э. Хельдман акцентируют свое внимание на тех мерах Советского правительства, которые способствовали повышению боеспособности Красной Армии. Увеличение финансирования военно-промышленных предприятий, работа над созданием новых видов вооружения и военной техники в СССР авторами рассматривается как подтверждение тезиса об агрессивных намерениях советского государства в отношении Германии.

В зарубежном научном сообществе в эпоху «холодной» войны концепцию превентивной войны разделяли не все ученые. Так, например, Г. Раух

(Германия) прямо говорит о том, что военное вторжение гитлеровских войск на территорию Советского Союза «не было превентивной войной» [Цит. по: 51, с. 20]. Однако он разделяет популярный в западной науке тезис об экспансионистских целях политики Советского Союза в предвоенные годы и во время войны. В «Истории Советского Союза» Г. Раух пишет о том, что сосредоточенные на западной границе в 1941 г. советские войска «имели своей задачей наступление» [Цит. по: 51, с. 20-21]. Положение об экспансионистских намерениях Советского Союза разделяли большинство английских, американских и немецких историков во второй половине 40 – первой половине 80-х гг.

Концепция экспансионистской сущности политики Советского Союза в зарубежной историографии была основана на мнении о коммунизме как априори направленном против западных демократических государств общественно-политическом строе. Популярность данного тезиса подтверждали не только западные ученые, но и представители правящих кругов: в частности, У. Черчилль [135]. Сторонники представления об агрессивной по отношению к некоммунистическим странам сущности коммунизма апеллируют к одному из основополагающих тезисов марксизма о неизбежности победы мировой революции. Наиболее последовательно эту идею отстаивали С. Поссоли, Дж. Бейкер (США), Г. Виллинг (ФРГ), У. Рутерфорд (Англия) и др. [51, с. 14].

Еще один тезис в пользу концепции ответственности Советского Союза за начало войны, популярный преимущественно в английской и американской историографии, заключался в том, что предвоенная политика СССР рассматривалась как пролог к войне, в отличие от внешнеполитических действий Англии, США и Франции, направленных на умиротворение милитаристских Германии, Италии и Японии с целью предотвращения войны. В связи с этим интересна оценка западной историографией двух международных договоров предвоенного времени – Мюнхенского соглашения и пакта Молотова-Риббентропа.

Зарубежная историческая наука практически единодушна в трактовке сущности советско-германского договора: пакт Молотова-Риббентропа свидетельствует о захватнических целях политики СССР и является прологом к войне. Немецкий историк Э. Нольте называет договор 23 августа 1939 г. европейской прелюдией ко Второй мировой войне [78, с. 51]. Интересное мнение по данному вопросу высказал американский ученый Т. Бейли. Он считает, что Советский Союз «изменил» англичанам и французам, заключив пакт Молотова-Риббентропа. Успех переговоров Англии, Франции и СССР предотвратил бы войну [144]. Наиболее радикальную позицию по вопросу сущности пакта о ненападении демонстрирует Ц. Вернер. «Вторая мировая война, – пишет он, – началась в ночь с 23 на 24 августа 1939 г. не чьим-либо выстрелом, а после того, как министры иностранных дел Гитлера и Сталина поставили свои подписи» [Цит. по: 71, с. 76].

В зарубежной научной литературе есть и менее радикальные суждения по вопросу сущности и последствий заключения пакта о ненападении. Так, например, западногерманский ученый А. Кун отмечал, что пакт помог избежать Советскому Союзу войны на тот момент. А. Хилльгрубер и К. Хильдебрандт считают, что пакт «нейтрализовал Гитлера как лидера антикоммунизма, СССР добился того, что опасный для него антикоминтерновский пакт был обезврежен» [Цит. по: 71, с. 79]. Однако подобная точка зрения в английской, американской и западногерманской науке в эпоху «холодной» войны не находила широкой поддержки.

По вопросу сущности и последствиях заключения Мюнхенских соглашений западная историческая наука в эпоху «холодной» войны апеллировала к концепции политики умиротворения Германии. В зарубежной историографии второй половины 40-х–50-х гг. политика умиротворения была чаще всего объектом критики. Большинство американских и английских историков отмечали бесполезность деятельности «умиротворителей». Однако к 60-м гг. в зарубежной науке эта точка зрения подвергается ревизии [91, с. 101].

Большинство западных историков, работавших после начала 60-х гг. XXв., оценивают факт подписания соглашений как вынужденный – с целью не допустить начала войны, «умиротворить» Германию. Г. Раух отмечает, что политику умиротворения и Мюнхенские соглашения породила «угроза раздела Западной Европы между СССР и Германией» [Цит. по: 71, с. 85]. Американский историк К. Юбенк, исследовавший предвоенные международные отношения и происхождение войны, пишет о том, что деятельность «умиротворителей» имела положительное значение, поскольку давала возможность оттянуть начало военных действий, к которым Англия и Франция совершенно не были готовы [157]. Довольно большая часть зарубежных историков в своих монографиях предпочитает вообще не анализировать подробно сущность и последствия договоренностей в Мюнхене.

Другая важная проблема, которая была предметом рассмотрения во многих научных работах западных историков периода «холодной» войны – вопрос о сущности противостояния в войне. По этой проблеме можно выделить две основные позиции в зарубежной историографии – первая предполагает рассмотрение войны как противостояние держав-союзников по антигитлеровской коалиции с фашистской Германией и ее союзниками. При этом фашизм рассматривается как идеология и общественный строй, противостоящий западным демократиям и советскому тоталитарному строю. Сторонниками этой концепции в 50 – первую половину 80-х гг. выступали М. Барч, А. Кун и др. При этом можно отметить, что данная концепция более популярна в Германии.

Другая точка зрения, преимущественно популярная в английской и американской исторической науке, состоит в том, что общественно-политический строй СССР в своих основных чертах отождествляется с немецким периода 1933–1945 гг. Одним из известных американских историков, выдвинувших данное концептуальное положение, является У. Лакер. В своей монографии под характерным названием «Россия и Германия. Наставники Гитлера» он пытается доказать родство двух режимов – фашистского в

Германии и тоталитарного в Советском Союзе [78, с. 45]. По сути, фашистский строй он сводит к тоталитаризму, при этом не подвергая анализу фашистские доктрины и идеи о превосходстве одной нации над другими.

Проблема сущности противостояния в войне имеет частный аспект – вопрос о целях держав во Второй мировой войне. Зарубежные историки считают как «само собой разумеющееся» единственной целью западных держав-союзников по антигитлеровской коалиции разгром фашизма и не подвергают это положение сомнению. Цели Советского Союза в западной науке оцениваются неоднозначно: наряду со стремлением разгромить фашизм советскому правительству приписывается также цель установления послевоенного мирового господства. По мнению многих западных историков, Советский Союз, освобождая от немецко-фашистской оккупации страны Восточной Европы, нёс новую оккупацию, насаждая коммунистическую идеологию и социалистический общественно-политический строй. Данное положение отражено в статьях многотомной энциклопедии, изданной на нескольких языках [191].

Во второй период развития западной исторической науки был накоплен значительный фактологический материал, который позволял составить целостную картину хода военных действий на разных фронтах войны. Однако способы подачи и интерпретации этого материала были различными в зарубежной и отечественной науке. Различия в изучении хода военных действий между советской и западной исторической наукой в эпоху «холодной» войны довольно подробно исследованы современными отечественными историографами Г.И. Самсоненко, М.И. Фроловым и А.С. Якушевским.

Многие западные историки при рассмотрении хода военных событий на восточном и западном фронтах войны преувеличивали значение второго [140, с. 30; 129, с. 73; 109, с. 11]. Подобное преувеличение довольно легко обнаружить в большинстве книг зарубежных авторов при расчете объема текстов, посвященных, с одной стороны, ходу войны на восточном фронте, а с

другой – событиям на западном театре боевых действий. Г.Г. Самсоненко отмечает, что во многих научных трудах западных историков 50 – 80-х гг. акцент делается на успешных действиях вермахта, часто замалчиваются важнейшие битвы Великой Отечественной войны [109, с. 11]. Некоторые современные зарубежные специалисты по историографии признают данный факт [20, с. 513].

А.С. Якушевский подробно проанализировал книги американского историка Х. Солсбери «Неизвестная война», изданную в Нью-Йорке в 1978 г. и английских ученых П. Калвокоресси и Г. Уинта «Тотальная война: Причины и ход Второй мировой войны» (Лондон, 1972). По его данным, рассмотрению хода вооруженной борьбы на советско-германском фронте в июне – ноябре 1941 г., когда Красная Армия терпела неудачи, Х. Солсбери отвел почти половину всех страниц книги, а анализу событий 1944 г., успешных для советских войск – в 25 раз меньше. Из 46 глав научного труда английских историков только в двух говорится об участии Советского Союза в войне; Московская, Сталинградская и Курская битва упомянуты лишь вскользь, а о других операциях Красной Армии стратегического значения даже не упоминается [140, с. 30-29]. Подобная недооценка роли советско-германского фронта в войне свойственна многим другим зарубежным историкам, наиболее цитируемыми среди которых являются В. Герлиц, А. Конради, С. Штадлер (ФРГ), К. Мэкси, Г. Уинт (Англия), Г. Верон, Э. Зимке, Т. Дюпуи, П. Мартелл, Ч. Макдоналд, С. Петрик (США).

Преувеличение роли западного театра военных действий в зарубежной историографии второй половины 40-х – первой половине 80-х гг. выражалось не только в превалирующем внимании к событиям на западном фронте в научных трудах, но и также в прямых оценочных суждениях западных историков. Так, например, американский историк Э. Зимке в книге «От Сталинграда до Берлина» в 1968 г. заявил о том, что основным театром военных действий, определившим итог всей войны 1939–1945 гг., был западный фронт. Он аргументировал свою позицию тем, что роль Советского

Союза ограничивалась действиями только на сухопутном театре. Ч. Макдоналд в книге «Тяжелое испытание» (Вашингтон, 1969) пишет о том, что «даже вклад в войну на суше с советской стороны не был настолько весомым, как это может показаться на первый взгляд» [Цит. по: 140, с. 35]. Подобное утверждение встречается в трудах американского генерала и историка Х. Паттисона, который писал о том, что Красную Армию нельзя считать «главным архитектором победы во Второй мировой войне». Один из аргументов, которые часто приводили зарубежные историки, состоит в том, что западные государства-союзники СССР по антигитлеровской коалиции вели военные действия не только с Германией, но и с Японией и Италией. СССР же вступил в войну с Японией после взятия Берлина. Следует отметить, что преувеличение роли западного фронта и признание его определяющим для исхода всей войны наиболее характерно для американской историографии.

Анализ зарубежной исторической литературы и отечественных исследований западной историографии позволяет сделать вывод о том, что интерес к проблеме роли СССР и западных держав-союзников по антигитлеровской коалиции более свойственен американской и английской историографии. Многие американские историки называли США державой, которая предопределила исход войны. С. Пауэлл называет ее «архитектором победы союзников». Профессор Вирджинского университета Х. Паттисон пишет о том, что США играли «главную роль в окончательном исходе войны» [140, с. 35-36].

Немецкая историография характеризуется меньшим интересом к данной проблеме. Однако в западногерманской историографии можно выделить два направления, по-разному рассматривающие роль СССР, с одной стороны, и роль США и Великобритании в победе над «коричневой чумой». Значительная часть историков рассматривала США как державу, определившую исход войны. Так, например, В. Риппер пишет о том, что вступление США в войну явилось для нацистской Германии и милитаристской Японии «первым шагом к неизбежной катастрофе» [Цит. по: 140, с. 36]. Подобная концепция содержится

в многотомном коллективном научном труде «Немецкое государство и Вторая мировая война», изданном в 1983 г. [151]. Среди западногерманских историков второй половины 40-х – середины 80-х гг. немало и тех, кто выступал за признание определяющей роли СССР в победе над фашизмом и высоко оценивал роль восточного фронта войны. Г.Г. Самсоненко среди них выделяет Р. Лоренца, А. Хилльгрубера, Г. Хольборна [109, с. 7].

Отношение историков к роли советско-германского и западного фронтов во Второй мировой войне проявляется также в рассмотрении ими важнейших событий как поворотных пунктов всего хода военной кампании 1939–1945 гг. При этом, как отмечает А.С. Якушевский, чаще всего английские историки выделяют битвы, в которых участвовали английские войска, а американские авторы – «свои» сражения [140, с. 36]. Отечественный исследователь зарубежной историографии войны подробно анализирует научные труды английских авторов А. Уайкса «1942 год: Поворотный пункт» (Лондон, 1972) и Г. Моля «Великие битвы Второй мировой войны» (Лондон, 1972), американского историка Т. Кармайкла «Девяносто дней: Пять битв, которые изменили мир» (Нью-Йорк, 1971), историков из ФРГ Х. Якобсена и И. Ровера «Решающие битвы Второй мировой войны» (Франкфурт н/М., 1960).

По мнению А. Уайкса, поворотным событием во Второй мировой войне стала победа англичан под Эль-Аламейном. Очень высоко он оценивает значение высадки американских и английских войск в Северной Африке, а также победы американцев в морском сражении у атолла Мидуэй. Г. Моль из 13 «великих битв» Второй мировой войны называет только две, которые проходили на восточном фронте, остальные 11 – в Африке, на Тихом океане и в Западной Европе. Причем среди таковых сражений он отмечает битву за крепость Керен, в котором участвовало 19 английских и индийских батальонов с одной стороны и 42 батальона Италии и ее союзников. Американский историк Т. Кармайкл называет битву за Гуадалканал, в которой победу одержали американские войска, решающим событием Второй мировой войны. Немецкие историки Х. Якобсен и И. Ровер освещают 12 сражений войны, определяемые

ими как решающие, и среди них только 3 состоялись на восточном театре боевых действий [140, с. 37].

Немаловажное место в зарубежной историографии периода «холодной» войны занимала проблема роли ленд-лиза – материальной помощи в виде поставок боевой техники, снарядов, сырья и продовольствия Советскому Союзу в годы Великой Отечественной войны. Исследование проблем значения ленд-лиза наиболее популярно в американской и английской историографии. В годы «холодной» войны было издано несколько научных трудов, специально посвященных анализу объемов, цели и значения поставок по ленд-лизу. Среди них можно выделить следующие работы: Р. Джоунс «Дороги в Россию: Ленд-лиз Соединенных Штатов в Советский Союз», Э. Стеттиниус «Ленд-лиз: Оружие для победы», Д. Херринг «Помощь России, 1941 – 1945: Стратегия, дипломатия и происхождение холодной войны», У. Кимболл «Самый бескорыстный акт».

Западная, и, прежде всего, американская историография в большинстве случаев очень высоко оценивала роль ленд-лиза для СССР в Великой Отечественной войне. Во многих научных трудах американских историков обосновывается тезис о том, что СССР не смог бы одержать победу в Великой Отечественной войне, если не были бы организованы поставки по ленд-лизу. Отечественные специалисты по зарубежной историографии рассматривали подобные мнения как намеренное преувеличение с целью приуменьшить реальную роль СССР в победе над фашизмом.

Большая часть западных историков отмечает, что помощь Советскому Союзу не была бескорыстной. Так, например, Дж. Херринг в книге «Помощь России» пишет: «Ленд-лиз не был ... самым бескорыстным актом в истории человечества... Это был акт расчетливого эгоизма, и американцы ясно представляли себе выгоды, которые они могут из него извлечь» [Цит. по: 140, с. 42]. Многие авторы приводят цитаты и анализ заявлений Ф. Рузвельта и У. Черчилля о том, что поставки в Советский Союз – это выгодная форма вложения капитала. Однако не все историки поддерживают мнение о ленд-лизе

как о рентабельном для США проекте. В числе их У. Кимболл, автор монографии «Самый бескорыстный акт», само название которой говорит о позиции автора в этом вопросе.

С вопросом о роли СССР и западных держав в победе над фашизмом тесно связана проблема источников победы советских вооруженных сил над фашистскими дивизиями. Довольно большое число западных исследователей объясняют причины поражения немецкой армии на восточном фронте случайными факторами: неблагоприятными географическими условиями, ошибками военно-политического руководства фашистской Германии [148, 154, 186]. Некоторые историки, прежде всего немецкие, в эпоху «холодной» войны объясняли причины поражения немецких вооруженных сил «роковыми ошибками» А. Гитлера. Тезис об ошибках фюрера как об основных причинах поражения немецких войск на восточном фронте поддерживали Т. Оберлендер, Т. Дюпуи и др. [51, с. 54-55]. К числу других факторов, определивших исход войны на советско-германском фронте, некоторые зарубежные историки относят сложные погодно-климатические условия. «Немцы сражались не только с русскими, но еще в большей степени с температурами от минус 20 до минус 30 градусов Цельсия» - отмечал английский историк Ш. Бидуэлл [Цит. по: 51, с. 54].

Отличительной особенностью зарубежной историографии Второй мировой войны является большое внимание к истории Холокоста. Этой теме посвящено большое количество монографий. Можно констатировать, что Холокост стал одной из центральных научных вопросов в изучении Второй мировой войны за рубежом. Начало разработке этой темы положили научные исследования Дж. Рейтлингера и С. Шварца [6]. Дальнейшее исследование темы Холокоста шло в направлении рассмотрения политики Гитлера в отношении евреев на отдельных территориях, изучения причин и особенностей Холокоста.

Таким образом, специфику и концептуальные основы западной историографии Второй мировой войны во второй половине 40-х – середине 80-х гг. определяли прежде всего международные факторы – жесткое

политическое и идеологическое противоборство западных демократий с советским строем. Еще до окончания боевых действий только еще зарождавшаяся английская и американская историография войны противопоставляла себя немецкой и в основном была просоветской. Однако с началом «холодной» войны направленность большинства английских и американских научных школ была радикально изменена. Зарубежная историческая наука эпохи идеологического противоборства сверхдержав противостоит советской историографии. Концепции превентивной войны, экспансионистской сущности политики правительства СССР, преимущественное внимание к событиям на западном фронте, часто преувеличение роли второго фронта, значения ленд-лиза для Советского Союза в Великой Отечественной войны являлись предметом критики в советском научном сообществе.

Анализ основных концепций Второй мировой войны в зарубежной историографии эпохи «холодной» войны позволяет определить единую для всех основу – этноцентризм. Этноцентризм выражается прежде всего в превалирующем внимании к событиям на западном театре военных действий, в высокой оценке роли западных держав в победе над фашизмом, преувеличении значения ленд-лиза в организации отпора врагу. Особенно ярко в эпоху идеологического противостояния СССР и США этноцентризм проявлялся в работах американских авторов: многими историками США рассматривались как держава, определившая исход войны.

Советские историки в оценке зарубежной историографии Второй мировой войны были единодушны: английская, американская и западногерманская историческая наука, по их мнению, преследовала цель скомпрометировать Советский Союз и приуменьшить его роль в достижении победы над фашизмом. Один из первых обзоров зарубежной историографии в СССР – справка Совинформбюро «Фальсификаторы истории», вышедшая в свет в 1949 г. – стал своего рода образцом для дальнейших исследований советскими учеными зарубежной историографии [124]. Вся западная историография в

справке Совинформбюро названа «лживой» и «фальсифицированной». В одном из более поздних советских обзоров зарубежной историографии отмечается, что «фальсифицируя причины, ход, итоги и уроки Второй мировой войны, наши идеологические противники стремятся ... подорвать международный авторитет, завоеванный советским народом и его Вооруженными силами в результате победы над нацистской Германией и ее союзниками» [51, с. 7].

Во второй половине 80-х гг. с началом перестройки в СССР появилась возможность продуктивного диалога зарубежной и советской историографии. Для зарубежной историографии увеличение контактов с отечественной наукой имело важное значение: была прежде всего расширена источниковая база, поскольку западные ученые получили возможность ознакомления со многими документами непосредственно в советских архивах. Преодоление «железного занавеса» между западной и отечественной исторической наукой также сказалось на повышении интереса друг к другу, а также появлению и развитию международных исследований. Во второй половине 80-х–начале 90-х гг. в Советском Союзе опубликованы ряд книг зарубежных авторов, специализирующихся на исследовании Второй мировой войны.

На третьем этапе развития зарубежной историографии значительно повысился интерес к событиям на восточном фронте Второй мировой войны. Данный факт отмечает А.С. Якушевский [140, с. 23]. О событиях на восточном фронте стали писать значительно больше. Примером могут послужить научные труды М. Барча, Г. Шебеша, М. Айскхофа, В. Пагекса, В. Реша и др. [109, с. 7]. С середины 80-х гг. в Германии было решено начать подготовку и издание многотомного труда «Германский рейх и Вторая мировая война» [141]. До начала 90-х гг. вышло несколько томов издания. В данном труде можно отметить довольно большой объем материала, посвященный анализу событий на советско-германском фронте войны.

Однако, в целом, несмотря на повышение интереса к исследованию хода войны на восточном фронте и увеличению числа публикаций, посвященных этой проблеме, серьезных парадигмальных изменений в зарубежной

историографии второй половины 80-х гг. не произошло. По-прежнему среди большинства представителей западного научного сообщества были популярны концепции превентивной войны и ответственности СССР за развязывание самого крупного в истории международного конфликта, тезис об определяющей роли США в победном для союзников исходе войны и связанное с ним положение о большой роли ленд-лиза в победе Советской Армии в Великой Отечественной войне.

Более того, многие специалисты по зарубежной историографии отмечают укрепление концепции превентивной войны в зарубежной науке во второй половине 80-х – начале 90-х гг. В 1985 и 1986 гг. в ФРГ двумя изданиями вышла монография Э. Топича «Война Сталина». Само название книги дает возможность понять основную концепцию, которую поддерживает автор. Нападение Германии на СССР Э. Топич трактует как «упреждающий удар, чтобы себя спасти» [Цит. по: 140, с. 29]. В рассматриваемый период увеличилось число публикаций в зарубежной научной печати в поддержку данной концепции.

90-е гг. XX в. – начало XXI в. – четвертый этап развития зарубежной историографии, характеризующийся прежде всего преодолением негативных последствий «холодной» войны. Основная часть научных школ западной историографии, также как и отечественная историческая наука, избавились от жесткого идеологического противоборства – ситуации, при которой основной целью исследований становится не поиск истины, а рассмотрение исторического процесса с позиций критицизма по отношению к роли в нем других стран, опровержение исторических концепций «противной стороны». В отношении темы Второй мировой войны это выразилось для западной историографии в более объективном рассмотрении роли СССР и западных государств в войне, в повышении интереса к событиям на восточном фронте.

За последние 15 лет в западных странах вышло довольно большое количество научных трудов, посвященных рассмотрению как хода войны в целом на восточном фронте, так и отдельных сражений Великой Отечественной

войны. В США и Великобритании вышли в свет монографии, специально посвященные военному искусству бойцов Красной Армии [91, с. 112]. Исследуя сражение под Москвой осенью 1941 г., некоторые западные историки его как один из «поворотных пунктов» Второй мировой войны [200]. Значительная современная часть зарубежных исследователей рассматривает Сталинградскую битву как решающее сражение всей Второй мировой войны [74, с. 275-276]. Г.Г. Самсоненко отмечает, что в современной западной историографии меняется отношение к Курской битве – многие зарубежные исследователи также высоко оценивают ее значение для хода всей войны [109, с. 13-14]. Английский исследователь Р. Кросс в монографии «Цитадель: Битва под Курском» пишет следующее: «Разгром под Курском нанес немецкой армии очень сильный психологический удар, еще больший, чем Сталинград... Больше крупных наступлений вермахт на Востоке не предпринимал [178, с. 251-252]. Подобные оценки Курской битвы даются в других научных трудах зарубежных исследователей [166, 173].

Относительно общего вклада Советского Союза за последние 15 лет в зарубежной историографии появилось целое направление, отстаивающее тезис о том, что восточный фронт был основным во Второй мировой войне, а СССР внес определяющий вклад в победу над фашизмом. Одним из ярких представителей этого направления является английский историк Н. Дэвис. Его научные статьи регулярно публикуются в английской печати. В ноябре 2006 г. в газете «Sunday Times» была опубликована статья Н. Дэвиса «Война, которую выиграла не мы, а русские» [37]. Автор на основе статистических данных потерь немецких вооруженных сил на восточном и западном фронтах войны и материалов сравнительного анализа численности и оснащённости армий СССР и союзников по антигитлеровской коалиции делает вывод о решающей роли Советского Союза в победе над фашистской Германией. Следует отметить, что данная концепция созвучна взглядам советских и многих современных отечественных историков.

В 90-е гг. XX в.–начало XXI в. в зарубежной историографии можно отметить повышение интереса к исследованиям ситуации на оккупированной немецкими войсками территории, к политике оккупационных властей на захваченных территориях. В последнее десятилетие прошедшего века по этой проблеме вышло несколько монографий и коллективных научных трудов [147, 153, 160, 177, 196]. Авторы на основе впервые публикуемых в западной науке статистических данных отмечают жестокую эксплуатацию, террор и подавление местного населения [170]. Подобное повышение интереса к положению на оккупированной территории можно отметить сегодня и в отечественной историографии. За последние два десятилетия в зарубежной исторической науке не уменьшился интерес к истории Холокоста. По этой теме за рубежом были изданы ряд монографий и опубликованы научные статьи [146, 159, 165, 170].

Однако, несмотря на изменения в зарубежной историографии за последние 15 лет, большая часть западных историков поддерживает концепции Второй мировой войны предшественников. До сих пор в американской, английской и немецкой исторической науке популярна концепция превентивной войны. Сторонником данной концепции является немецкий ученый И. Хоффман, статья которого «Подготовка Советского Союза к наступательной войне» в русском переводе была опубликована в журнале «Отечественная история» [134]. Автор отмечает, что Гитлер «своим нападением 22 июня 1941 г. предвосхитил нападение Сталина» [134, с. 29]. Кроме того, целью заключения пакта о ненападении для И.В. Сталина 23 августа 1939 г. И. Хоффман называет развязывание войны и передел мира.

Н. Дэвис не называет вторжение Гитлера в СССР превентивными боевыми действиями, однако отмечает, что политика Советского Союза способствовала развязыванию войны. Один из аргументов, которые приводит историк – это вторжение советских войск в Польшу в сентябре 1939 г. на основании секретных приложений к пакту о ненападении, советско-финская война и

присоединение Прибалтики. Н. Дэвис называет эти события «вопиющими актами агрессии» [37].

Среди сторонников теории о сущности войны как противостоянии двух тоталитарных идеологий – фашизма и коммунизма – можно выделить Э. Нольте, начинавшего свою исследовательскую деятельность еще в годы «холодной» войны. Вторая мировая война интерпретируется им как противоборство двух «идеологий раскола» [180]. Поддерживая данное положение, профессор Дублинского Европейского института С. Ауэр пишет: «На Западе 1945 г. стал годом победы добра над злом, но в сталинской части Европы зло победило зло» [Цит. по: 92, с. 13]. Данная концепция не утратила сегодня популярности в зарубежной исторической науке.

Один из ярких представителей современной американской науки – З.Бжезинский, бывший государственный секретарь США, автор многотомного труда «Дипломатия». Он всецело разделяет концепцию экспансионистской сущности политики Советского Союза и положение о превентивной войне Германии против СССР. По вопросу о роли восточного и западного театров военных действий он отдает приоритет второму и считает действия американских вооруженных сил определяющими для исхода всей войны. Следует также отметить его жесткие высказывания в адрес властей Советского Союза.

В оценке целей держав в войне зарубежная историография двух последних десятилетий не претерпела изменений. Все зарубежные ученые, затрагивающие в своих трудах данную проблему, главной целью СССР в войне называют утверждение мирового господства, насаждение коммунистической идеологии наряду с общей для всех союзников по антигитлеровской коалиции задачей разгрома фашизма.

В 90-е гг. в зарубежной исторической науке набирает популярность проблема причин поражения советской армии в начальный период войны. Повышение интереса к данной проблеме связано с включением в научный оборот источников из архивов в нашей стране. В зарубежной исторической

науке в качестве основных причин поражения советских вооруженных сил в начальный период Великой Отечественной войны часто упоминаются неготовность войск к отражению агрессии, массовые репрессии командного состава армии в предвоенный период, просчеты И.В. Сталина. Рассмотрению этих проблем посвятил свою монографию «Сталин обезглавливает Красную Армию» немецкий ученый Р. Штробингер [189]. На основе новых источников и статистических данных он делает вывод о единоличной вине И.В. Сталина за поражения в приграничных сражениях. Данная концепция популярна среди большинства современных зарубежных историков.

Таким образом, западная историография с началом эпохи «холодной» войны была критична в отношении роли восточного фронта в войне и вклада Советского Союза в победу над фашизмом. Зарубежные историки в своих работах отдавали приоритет исследованию событий на западном театре военных действий, выделяя на нем решающие сражения и «поворотные пункты». В особенности это было характерно для американской исторической науки.

В отношении ответственности за начало войны преимущественно английская и немецкая историография рассматривала одним из «виновников» СССР, аргументируя свои взгляды тезисом о подготовке советского правительства к наступательной войне и концепцией превентивной войны Гитлера против Сталина, а также положением об экспансионистской сущности всей предвоенной политики Советского Союза.

Источники победы Советского Союза в Великой Отечественной войне зарубежная историография сводила к теории «случайных факторов», в числе которых наиболее часто отмечались тяжелые погодно-климатические условия, просчеты самого Гитлера и т. п. Последний тезис наиболее популярен среди немецких историков.

С окончанием эпохи идеологического противоборства СССР и США многие представители зарубежной исторической науки пересмотрели свои позиции в отношении роли советско-германского фронта в войне и признали

его важнейшее значение для победы над фашизмом. В западных странах увеличилось число публикаций, рассматривающих ход войны на восточном фронте. Однако данный факт нельзя рассматривать как «поворот лицом» к отечественной историографии, так как в зарубежной исторической науке ведущими остаются концепции экспансионистской сущности политики СССР в предвоенные годы и во время войны, превентивной войны Германии против Советского Союза, ответственности СССР за развязывание военных действий. Все эти концепции являются «камнем преткновения» в дискуссиях зарубежных и отечественных историков.

Все ведущие концепции зарубежной исторической науки эпохи «холодной» войны можно подвести «под общий знаменатель» – этноцентризм, выражающийся в преувеличении роли западных держав в войне и тенденциях национального самооправдания. Проявление этноцентризма в исторической науке зарубежных стран различается: в США – это своего рода «американоцентризм», в европейских странах – европоцентризм.

1.3. Трансформация подходов к освещению событий Второй мировой войны в советской и постсоветской исторической науке

В настоящее время можно отметить повышение интереса к историографии Второй мировой войны и, прежде всего, Великой Отечественной войны в отечественной исторической науке. Это выражается в увеличении числа исследований истории изучения военного противостояния 1939–1945 гг. Повышение внимания к проблемам историографии войны особенно заметно по возрастанию числа изданных монографий в годы празднования юбилейных дат Победы над фашистской Германией. Следует отметить, что российской наукой накоплен довольно значительный материал по результатам исследований советской и постсоветской историографии событий 1939–1945 гг. Среди всего комплекса научных трудов можно выделить ряд референтных историографических работ, вышедших в свет в разное время и содержащих

обзор и критический анализ достижений историографии, историю исследования отдельных вопросов, подходов к рассмотрению событий Второй мировой войны: научные труды М.В. Ежова, П.А. Жилина, В.А. Золотарева, А.П. Крюковских, В.М. Кулиша, А.Н. Мерцалова и Л.А. Мерцаловой, Ю.А. Полякова, И.А. Росенко, Г.Л. Соболева, Б.С. Тельпуховского, А.В. Терещука, А.С. Якушевского и др.

Однако в отличие от западной историографии отечественные историографы чаще основное внимание уделяют частным проблемам, рассматривая историю исследования отдельных вопросов Второй мировой войны и довольно редко анализируют концептуальные основы историографии событий 1939–1941 гг. По высказыванию известных специалистов в области отечественной и немецкой историографии Второй мировой войны А.Н. Мерцалова и Л.А. Мерцаловой, «полвека спустя у нас нет научной историографии войны, хотя по этой теме и написаны многие тысячи работ» [73, с. 151].

В настоящем разделе исследования приведены материалы анализа основных концепций военных событий 1939–1945 гг. в советской и современной российской историографии. Следует отметить, что в советское время отечественная наука была представлена не только историками, трудившимися в Советском Союзе, но и представителями эмигрантской историографии. В силу того, что научные взгляды историков-эмигрантов не могли быть отражены в школьных учебниках советской эпохи, в настоящей работе не предполагается систематический анализ концептуальных основ научных трудов ученых данного направления.

Для облегчения анализа концептуальных основ наиболее референтных научных работ целесообразно ввести периодизацию развития историографии Второй мировой войны. Общепринятой периодизации в науке не существует. Советская наука рассматривала историю исследования Второй мировой войны отечественными учеными чаще всего на основе периодизации, предложенной И.И. Минцем в 1982 г.: 1) зарождение историографии войны еще до ее

окончания; 2) 1945 – конец 1950-х гг. – первые научные обобщения; преобладание трудов военно-политического характера; узость источниковой базы; 3) 1960-е гг. – значительное расширение источниковой базы; увеличение масштабов исследовательской работы; 4) 1970–начало 80-х гг. – продолжение исследовательской работы, расширение тематики исследований [52]. Основным критерий периодизации И. И. Минца – организационные условия проведения исследований по проблемам Второй мировой войны, объем источниковой базы, тематика исследований. Использование данного критерия в качестве основы хронологии в большинстве историографических исследований наиболее рационально.

Однако в связи с особой зависимостью отечественной историографии от господствующей идеологии в нашей стране целесообразно использовать другой критерий, связав развитие историографии с этапами политического развития страны, а также особенностями внешней политики. В.М. Кулиш, исследуя в 1996 г. отечественную историографию Второй мировой и Великой Отечественной войны [62], рассматривает ее развитие в несколько этапов: 1) появление первых работ еще в ходе войны; 2) 1945–1953 гг. – послевоенная сталинская историография, начало «холодной» войны и связанного с ней жесткого идеологического противостояния, в том числе и исторической науке; 3) середина 50–середина 60-х гг. – развитие исследований военной тематики в эпоху оттепели; 4) середина 60–середина 80-х гг. – историография периода застоя, «концептуальная война» отечественной и зарубежной историографии; 5) середина 80–начало 90-х гг. – историографическая наука в эпоху перестройки, начало диалога отечественной и зарубежной историографии; 6) 90-е гг. – коренной перелом в развитии историографии Второй мировой войны; современная историография.

Предложенная В.М. Кулишем периодизация развития отечественной историографии войны соотносится с периодами развития зарубежных исследований, поскольку обе они имеют одну критериальную основу: характер международных отношений Запада с нашей страной, политическое и

идеологическое противостояние и сотрудничество на международной арене. Однако, в отличие от зарубежной историографии Второй мировой войны, периодизация развития отечественной науки более подробна, поскольку в ней более четко можно определить переломные моменты, изменившие концептуальное содержание исследований. Кроме того, советская историография военных событий 1939–1945 гг. развивалась на единой методологической основе, что и определило ее целостность и монолитность. В данном исследовании развитие концепций Второй мировой войны рассматривается на основе хронологии В.М. Кулиша. Однако ее следует дополнить, расширив хронологические рамки последнего этапа до настоящего времени.

История Второй мировой войны начала создаваться еще до ее окончания. Уже в ноябре 1941 г. в Москве была организована комиссия по исследованию военных событий и созданию «Летописи Отечественной войны» [52, с. 123]. В ходе войны для изучения и обобщения опыта боевых действий была также создана комиссия при Академии наук СССР по сбору и обработке материалов о событиях войны, образованы специальные отделы, группы в штабах фронтов, флотов, армий [77, с. 179]. В 1943 г. вышла первая работа о разгроме немецко-фашистских захватчиков под Москвой в 3-х тт. под редакцией маршала Советского Союза Б.М. Шапошникова; в 1944 г. издана книга о битве под Сталинградом [41, с. 14]. Первые работы, посвященные данной теме, носили в основном дескриптивный характер; концептуальные основания изучения и обобщения исторического материала в них отсутствовали. Большинство трудов историков военного времени были предназначены для массового читателя. На основе анализа работ, написанных еще в ходе войны, можно выделить ряд функций ранней советской историографии Второй мировой войны: накопление исторического материала, его первичное обобщение, а также пропаганду массового героизма на фронте и трудовых подвигов в тылу, разъяснение справедливого характера войны.

Изучение Второй мировой войны на научной основе начинается сразу после ее окончания. Катализатором данного процесса явилось опубликование ряда документов, составивших первоначальную источниковую базу: «Документы министерства иностранных дел Германии» (1946 г.), «Сборник документов Московской, Тегеранской, Крымской, Берлинской конференций и Европейской консультативной комиссии» (1946 г.), «Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков (1946 г.), «Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны: сборник документов» (1946-1947 гг.) и др. [77, с. 182]. Однако опубликованные в первые послевоенные годы документы не могли дать возможность всестороннего анализа военных событий 1939–1945 гг., так как основная их часть была засекречена. В.М. Кулиш отмечает, что в подавляющем большинстве случаев источниками исследований, проводимых в этот период, были речи и выступления И.В. Сталина, что не могло не сказаться на формировании концепций войны в историографии сталинской эпохи [62, с. 274].

В первые послевоенные годы выходит ряд работ советских исследователей, посвященных изучению Второй мировой войны. Наиболее референтными в историографических обзорах являются научные труды следующих историков: И.В. Анисимова, Ф.Д. Воробьева, Г.А. Деборина, В.М. Кравцова, В.Г. Кузьмина, И.И. Минца, а также комплекс работ, посвященных отдельным аспектам военных действий и положению в тылу (исследования В.В. Возненко, Г.М. Уткина, Н.А. Степанова, М.И. Кольшева, М.М. Минасяна, М.П. Трактуева, Е.А. Грановского и др.).

В первых научных изысканиях советских историков выдвигается и обосновывается тезис об освободительном, справедливом, народном характере войны для СССР от начала и до ее окончания. В качестве основного аргумента историки первых послевоенных лет приводят тезис о захватнической сущности войны для фашистской армии и вооруженных сил Италии и Японии. Военное противостояние не может быть одновременно экспансионистским для

противоборствующих государств. Поскольку данное концептуальное положение в советской историографии наиболее четко аргументировано, оно стало определенным инвариантом, характерным для всей советской и большинства направлений современной отечественной историографии Второй мировой войны на всем протяжении ее развития. Концепция освободительной, народной войны не встречает и сегодня значительного количества критиков. Кроме того, это положение – единственное, практически не подвергавшееся критике в зарубежной историографии.

С первых послевоенных лет в условиях начавшейся «холодной» войны историография Второй мировой войны становится ареной ожесточенной идеологической борьбы. Одной из основных функций советской историографической науки первого послевоенного десятилетия являлся критический анализ и опровержение «антисоветских» концепций западных исследователей. Ярким примером «разоблачительного» характера ранней советской историографии стало издание в 1948 г. исторической справки Совинформбюро «Фальсификаторы истории», которая нацеливала советских историков на «развертывание активной борьбы против буржуазных фальсификаторов, искажавших историческую правду о Второй мировой войне» [77, с. 183].

Справка Совинформбюро вышла в свет как ответ на издание сборника «Нацистско-советские отношения 1939–1945 гг.», подготовленного к печати специалистами государственного департамента США в сотрудничестве с английским и французским министерствами иностранных дел. Документ «Фальсификаторы истории» называл основными виновниками развязывания мировой войны правительства Германии, Италии, Японии, Великобритании, Франции и США. Данное суждение противоречит концепции ответственности Советского Союза за начало войны, разработанную в западной историографии. Справка Совинформбюро на долгие годы стала идеологическим ориентиром в рассмотрении и изучении событий Второй мировой войны в советской науке.

В документе Совинформбюро обосновывается положение о военном противостоянии 1941–1945 гг. как противоборстве идеологий и общественно-политических систем (социализма и капитализма, перешедшего в империалистическую стадию). Данная концепция долгое время являлась популярной в работах позднейших отечественных историков и стала своего рода призмой рассмотрения всей истории Второй мировой войны. Советская историография, выдвинувшая концепцию противоборства в войне социализма и «загнивающего» капитализма, в значительной степени отождествляла общественно-политический строй фашистской Германии и держав-союзников по антигитлеровской коалиции. Наиболее точно содержание этой концепции отразил участник войны, историк И.И. Минц, начавший свою исследовательскую работу в первые послевоенные годы: «Война, навязанная Советскому Союзу германским фашизмом, явилась самым крупным вооруженным выступлением ударных сил мирового империализма против социализма» [52, с. 119]. Следует отметить, что в противоположность подобным взглядам отечественных историков многие представители зарубежной науки проводили параллель между коммунизмом и фашизмом, интерпретируя войну как противоборство двух тоталитарных идеологий.

Выход справки «Фальсификаторы истории» оформил складывавшуюся в исторической науке концепцию определяющей роли Советского Союза в разгроме фашистских войск, противостоящую взглядам большинства западных историков о том, что важнейшую роль в разгроме фашизма сыграли США. СССР провозглашается единственным борцом за мир. Определенная доля вины за развязывание войны перекладывается на правящие круги Великобритании и Франции. В обоснование выдвинутой концепции советские историки постоянно подчеркивали факт затягивания переговоров по открытию второго фронта со стороны западных держав с целью максимального истощения военных сил Советского Союза. Историография второй половины 40-х–первой половины 50-х гг. умалчивала объемы и роль поставок советской Армии военной техники по закону о ленд-лизе. Для обоснования концепции определяющей роли СССР в

победе над фашизмом в научных работах большинства отечественных историков советской эпохи приведены сравнительные статистические данные о военных потерях вермахта на восточном фронте и западном театре боевых действий.

В первые послевоенные годы в условиях культа личности вождя работы многих советских исследователей были направлены на обоснование выдающейся роли полководческого таланта и личных качеств И.В. Сталина в победе над фашистской Германией. Наиболее завершённое концептуальное оформление указанная идея получила в работе К.Е. Ворошилова «Сталин и вооружённые силы СССР», изданной в 1951 г. Однако для доказательства данной концепции требовалось объяснить причины трагических неудач Красной Армии в первый год войны. Для этого в конце 1940-х гг. была разработана теория активной обороны. В научных трудах советских историков термин «активная оборона» приобрёл характер важного концептуального положения, согласно которому ход военных действий на первом этапе Великой Отечественной войны соответствовал имеющемуся у советского командования плану изматывающей врага обороны.

Впервые тезис об активной обороне прозвучал из уст самого И.В. Сталина в журнале «Большевик»: «Я говорю о контрнаступлении после успешного наступления противника, не давшего, однако, решающих результатов, в течение которого обороняющийся собирает силы, переходит в контрнаступление и наносит противнику решительное поражение. Я думаю, что хорошо организованное контрнаступление является очень интересным видом наступления» [94, с. 8]. Э.Н. Бурджалов, отстаивая теорию активной обороны, писал: «...нападение гитлеровской Германии не застало Советскую страну врасплох... Коммунистическая партия и Советское правительство ещё в годы мирного строительства упорно и систематически готовили страну к активной обороне» [13, с. 7-8]. В целях недопущения сомнений в истинности теории активной обороны все отечественные историки сталинского времени

умалчивали данные о потерях советских вооруженных сил в первые месяцы войны.

Позднейшая советская историография признавала ограниченность и догматичность работ историков сталинской эпохи [95, с. 387]. Тому были объективные причины: засекреченность архивных материалов, жесткий идеологический прессинг, влияние культа личности И.В. Сталина. Однако историческая наука первых послевоенных лет заложила важные парадигмальные и концептуальные основания научного исследования Второй мировой войны, некоторые из которых продолжали доминировать и в послесталинский период.

После XX съезда КПСС начинается новый этап развития советской историографии Второй мировой войны, характеризующийся расширением научно-исследовательской работы и преодолением негативных последствий культа личности вождя. С середины 50-х гг. были немного ослаблены ограничения допуска историков в архивы. Однако публикация документальных источников оставалась строго избирательной. Исследователи не могли получить доступ к значительному пласту документов, засекреченных советским правительством.

В целом объем издания литературы, посвященной военным событиям 1939–1941 гг., в эпоху оттепели значительно увеличился. Только за пять лет между XX и XXII съездами в СССР было опубликовано более 200 книг о самом крупном военном противостоянии XX в. Появились новые научные журналы, значительное место в которых занимали материалы о Второй мировой войне: «Вопросы истории КПСС», «История СССР», «Новая и новейшая история», возобновилось издание «Военно-исторического журнала» [62, с. 284-285]. В историографии эпохи хрущевской «оттепели» можно выделить ряд наиболее авторитетных исследователей, рассматривавших ход войны в целом и отдельные ее аспекты: В.А. Анфилов, П.А. Жилин, Г.Д. Комков, А.П. Логинов, А.М. Некрич, А.М. Панкратова, А.М. Самсонов, Б.С. Тельпуховский и др. Анализ тематики научных трудов данных историков позволяет определить

смещение исследовательского интереса в сторону более глубокого анализа деятельности коммунистической партии в годы войны, изучения подвигов отдельных воинов и военных частей, а также внешнеполитических акций советского правительства, направленных на обеспечение победы над гитлеровскими войсками.

XX съезд КПСС дал толчок к пересмотру некоторых концепций и оценок в историографии Второй мировой войны. Передовая статья «О разработке истории Великой Отечественной войны» в журнале «Вопросы истории» за 1955 г. четко обозначила недостатки исследований военных событий 1941–1945 гг. в сталинскую эпоху: недостаточное освещение роли партии в войне, недооценка роли народных масс, рассмотрение боевых действий первого периода войны как формы активной обороны, что противоречит исторической истине [89, с. 4–5]. Новые установки по вопросу освещения Второй мировой и Великой Отечественной войны были немедленно восприняты советскими историками.

В научных работах, изданных после 1953 г., в условиях развернувшийся критики культа личности концепция особого значения полководческого таланта и личных качеств И. В. Сталина в организации победы над фашизмом сменяется концепцией исключительной роли КПСС как организатора и вдохновителя победы советского народа над фашистской Германией. Исследование роли партии в войне становится целым научным направлением историографии. Наиболее видными представителями этого направления являются Д.М. Кукин, А.П. Логинов, Н.И. Шатагин и др. Публикуется ряд научных трудов, исследовавших работу местных партийных организаций в республиках и регионах. О важности данной области исследований в историографии послесталинского времени свидетельствует масштаб издания научных работ о руководящей роли КПСС в организации победы над врагом: за неполные 30 лет в Советском Союзе было издано более 300 монографий, посвященных указанной проблеме, а также свыше 900 научных статей, защищено около 350 кандидатских и докторских диссертаций [121, с. 39].

В работах большинства историков периода оттепели в СССР разворачивается критика деятельности И.В. Сталина в годы войны. Основными причинами катастрофических поражений Советской Армии в приграничных сражениях советская историография послесталинского времени называет просчеты самого Верховного Главнокомандующего. Резкой критике подвергается теория активной обороны в первый год войны. В вышеупомянутой статье журнала «Вопросы истории» в 1955 г. отмечалось, что «некоторые историки изображают боевые действия первого периода войны как классическую форму активной обороны, которая будто бы заранее была предусмотрена планом Советского Главнокомандования. На самом деле советские войска вели тогда тяжелые оборонительные бои и отступали в глубь страны под ожесточенным натиском врага» [89, с. 5].

В советской историографии послесталинского времени доминирующим становится мнение о том, что Верховный Главнокомандующий на основании донесений советской разведки знал точную дату готовившегося нападения немецких войск на СССР, однако не принял должных мер для организации обороны страны. Кроме того, подвергалась критике политика И.В. Сталина в предвоенные годы. Одним из первых военных историк В.А. Анфилов выдвинул тезис о значительном падении боеспособности Красной Армии вследствие сталинских репрессий 30-х гг., коснувшихся и офицерского корпуса [62, с. 286]. Известный историк А.М. Некрич большую часть своей монографии «1941, 22 июня» [80] посвящает критике политики И.В. Сталина, поддерживая тезис о единоличной вине Верховного Главнокомандующего за поражения в первый период войны. Таким образом, в историографии после 1953 г. основная доля ответственности за трагические потери в первые месяцы войны перекладывается на И.В. Сталина. Имя Верховного Главнокомандующего стало значительно реже упоминаться на страницах работ советских историков.

В научных трудах историков первого послесталинского десятилетия существенно была дополнена концепция определяющей роли Советского Союза в победе над фашизмом. Советская историография признала факт

поставок по ленд-лизу, значение второго фронта. Однако отечественные историки этого времени, в отличие от своих зарубежных коллег, подчеркивали небольшой объем поставок военной техники в Советский Союз, делая вывод о незначительной роли закона о ленд-лизе в победном исходе военного противостояния. В эпоху оттепели выходят первые научные работы, посвященные анализу отношений Советского Союза со странами антигитлеровской коалиции. Общая оценка политики США, Великобритании и Франции не претерпевает существенных изменений, однако сам факт обращения советских историков к проблеме отношений с союзниками (данное определение стало все чаще употребляться в отношении стран антигитлеровской коалиции в трудах историков эпохи Н.С. Хрущева) свидетельствует о признании определенной роли этих государств в победе над фашистской Германией.

Вскоре после отстранения от власти Н.С. Хрущева началась ревизия решений XX и XXII съездов КПСС, связанных с критикой Сталина. С пересмотра отношения к культу личности И.В. Сталина начинается новый период развития советской историографии Второй мировой войны. Наиболее авторитетными по количеству ссылок на научные работы в эпоху застоя можно назвать следующих ученых: В.А. Анфилова, А.Н. Грылева, Л.М. Деборина, П.А. Жилина, Н.Г. Павленко, В.Я. Силопса, В.М. Хвостова и др. Даже простое просмотровое чтение трудов вышеупомянутых авторов позволяет проследить изменение оценки политики И.В. Сталина: имя «вождя» вновь стало довольно часто употребляться на страницах книг, в научных работах появились ссылки на труды вождя и его «Краткую биографию» (1948 г. изд.).

Начало нового этапа историографии ознаменовалось двумя событиями. В июне 1965 г. П.Н. Поспелов на сессии Отделения истории АН СССР, проходившей в Киеве, заявил, что нельзя признать ни теоретически, ни фактически правильным, когда в некоторых научных или художественных произведениях «жизнь изображается только под углом зрения культа личности и тем самым заслоняется героическая борьба советских людей, построивших

социализм» [62, с. 296]. В 1966 г. была запрещена для продажи и переиздания книга А.М. Некрича, сам автор был исключен из Академии наук с обвинениями в искажении марксистско-ленинского учения. Кроме того, было пересмотрено большое количество научных трудов, готовившихся к печати. Из них были исключены материалы, содержащие критический анализ политики И.В. Сталина в годы войны.

Новые установки по вопросу освещения истории Великой Отечественной войны сразу же были восприняты советской историографией. В августе 1968 г. в журнале «Коммунист» была опубликована статья В.М. Хвостова и А.Н. Грылева, в которой авторы пытались оправдать политику советского руководства накануне войны «объективными факторами», и, прежде всего, сложным международным положением [132, с. 12]. В четвертом издании учебника «История КПСС» содержалось утверждение, что Советский Союз был способен отразить империалистическую агрессию, так как его могучая индустрия в достатке оснащала Красную Армию вооружением, колхозный строй надежно обеспечивал страну и ее вооруженные силы продовольствием. Основной причиной временных трагических неудач советской Армии в первые месяцы войны явились временные же объективные факторы: в условиях сложного международного положения СССР войска не были приведены в боевую готовность, но только для того, чтобы не спровоцировать немецкие вооруженные силы. Таким образом, в историографии закрепляется концепция временных объективных факторов как основных причин поражений советской Армии в приграничных сражениях. В значительной степени данное положение реабилитировало предвоенную политику И.В. Сталина.

В трудах историков середины 60-х – 70-х гг. продолжала развиваться и дополняться концепция решающей роли СССР в разгроме фашистского блока. В 1972 г. Академия наук СССР и Институт военной истории опубликовали сборник статей «Вторая мировая война и современность», в котором были напечатаны работы известных историков В.М. Хвостова, П.А. Жилина, М.Е. Моница, И.Д. Остоя-Овсяного, Б.Г. Сапожникова, Г.А. Куманева и др. Основу

данного сборника составили положения исторической справки «Фальсификаторы истории» 1946 г., дополненные некоторыми положениями. Основной тезис, проходящий красной нитью через всю книгу, – определяющая роль Советского Союза в разгроме гитлеровской армии. Правящие круги США и Англии, как утверждали авторы книги, стремились повергнуть своих империалистических противников и занять их место в Европе и Азии, а также максимально ослабить войной Советский Союз и превратить его во второстепенную державу. История создания антигитлеровской коалиции и ее деятельность не нашли отражения в сборнике. Большое внимание авторы сборника акцентируют на проблеме открытия второго фронта, делая вывод о намеренном затягивании его открытия со стороны союзников с целью максимального ослабления Советского Союза. Анализу противоречий в политике западных держав и причинам срыва переговоров в Москве в 1939 г. посвящена работа М. Панкратовой и В. Силопса «Почему не удалось предотвратить войну? Московские переговоры СССР, Англии и Франции 1939 г.» [97]. Создатели книги полностью возлагают вину за неудачный результат переговоров на правительства Англии и Франции.

Подобная концепция Второй мировой войны отражена и в книге И.Д. Овсяного, вышедшей в 1971 г. [90]. На основе подборки документов автор рассматривает политику империалистических держав, которая, по его мнению, привела ко Второй мировой войне, несмотря на все усилия Советского Союза, направленные на сохранение мира и предотвращение войны. И.Д. Овсяный не исследует в книге историю советско-германских переговоров, завершившихся подписанием пакта о ненападении. Противопоставление целей политики западных держав (прежде всего государств антигитлеровской коалиции) и Советского Союза было характерно для всей историографии советской эпохи, однако особое место данная идея заняла в науке середины 60–70 гг. Ярким примером идеи противоречивости политики западных держав и советского руководства была оценка Мюнхенских соглашений и пакта Молотова-Риббентропа. И здесь позиции советских и зарубежных историков полярны.

Так, например, анализируя сущность договора, заключенного между западными державами в 1938 г. в Мюнхене, В.М. Хвостов писал: «Мюнхенское соглашение ... навсегда вошло в историю как символ предательства народа и незаконной сделки с грабителями» [132, с. 66]. Однако в большинстве случаев советские историки либо вообще не анализируют сущность договора о ненападении между СССР и Германией, либо оценивают факт его подписания как вынужденный: СССР оказался в сложном международном положении и поэтому необходимо было максимально оттянуть начало войны.

Результаты исследования концептуальных основ трудов отечественных историков эпохи «оттепели» и «застоя» свидетельствует о том, что положение об отечественном характере войны для СССР и концепция войны как противостояния общественно-политических систем не претерпело существенных изменений и продолжало доминировать в советской науке.

В целом, анализ трудов отечественных ученых второй половины 40-х–середины 80-х гг. показывает, что советская историография Второй мировой войны, в отличие от западной, рассматривала события войны прежде всего в героическом аспекте, практически не изучая трагические страницы истории военного противостояния. В связи с этим, большая часть работ советских историков не содержит данных о потерях Красной Армии в частных событиях, а иногда и сводных данных за всю военную кампанию. Важным направлением исследований советской историографии являлось изучение подвигов солдат на войне. Часто данные намеренно искажались. Наиболее яркий пример – подвиг 28 гвардейцев-панфиловцев у разъезда Дубосеково в ноябре 1941 года. По результатам исследований современной историографии их было 120 – 140, и подбили они не 18 танков, а 5 – 6. Мифологизация и героизация истории войны стала неотъемлемой чертой советской историографии [113, с. 43].

Доперестроечная советская историография Второй мировой войны имела огромное количество «белых пятен». Как показывает анализ наиболее цитируемых трудов советских историков, в них отсутствует рассмотрение таких аспектов войны, как политика захватчиков и жизнь народа на

оккупированной территории, сущность и причины коллаборационизма, особенно в национальных окраинах, Холокост. Замалчивание Холокоста приобрело, по сути, статус государственного антисемитизма [8, с. 155]. Материалы по истории Холокоста не приводились ни в одном советском справочнике, исторической энциклопедии. По мнению С. Кудряшова, любой акцент на истребление еврейского населения в годы войны заставил бы «поделиться священной жертвенностью всего советского народа» [61, с. 161].

В тоже время в угоду правящим кругам отдельные военные события в историографии освещались гипертрофированно, без анализа их реального значения для общего хода войны. Самый яркий пример – исследование операции «Малая Земля», в которой участвовал Л.И. Брежнев, ставший главой государства. В научной среде тогда же появилась шутка, что «Сталинградская битва – мелкий эпизод в великой эпопее борьбы за Малую Землю» [103, с. 135].

Анализ концепций истории Второй мировой войны в советской исторической науке дает возможность определить общую их основу – этноцентризм, выражающийся в превалирующем внимании к событиям на восточном фронте, иногда в «мессианизме» – оценках исключительной роли СССР во Второй мировой войне. Большая роль в формировании этноцентричности советской историографии Второй мировой войны принадлежит идеологии.

С середины 80-х гг. в условиях начавшейся перестройки и ослабления жесткости партийного контроля над наукой в историографии начинается процесс пересмотра и критического переосмысления многих научных концепций, касающихся в том числе и Второй мировой войны. Начата публикация ранее запрещенных документов и мемуаров. В историографии усиливается интерес к ранее умалчивавшимся проблемам Второй мировой войны.

В ряду особенно запутанных проблем, к которым сразу обратились историки перестроечной эпохи, были проблемы советско-германских отношений в 1939–1941 гг. и их вершина – советско-германский пакт о

ненападении 23 августа 1939 г. Значительным событием в отечественной историографии стали научные изыскания В.И. Дашичева, М.И. Семиряги, Г.Л. Розанова, доказавших путем анализа соответствующих советских и немецких документов, что часто упоминаемые в западной печати секретный протокол к пакту о ненападении существовал и его условиями регулировалась политика Германии и Советского Союза в Восточной Европе в 1939–1941 гг. [105]. В научной среде развернулась дискуссия о целях заключения пакта о ненападении. Многие историки высказывали сомнения по поводу особой необходимости его подписания для нашей страны [62, с. 36]. Однако общая оценка содержания пакта о ненападении практически не изменилась. Один из самых известных специалистов второй половины 80-х – начала 90-х гг. в истории международных отношений предвоенного времени Г. Л. Розанов пишет, что «содержание договора между СССР и Германией не расходилось с нормами международного права и договорной практикой государств, принятыми для подобного рода урегулирований» [105, с. 103]. Более того, подписание пакта 23 августа 1939 г. повлекло за собой деформацию «оси зла» – Япония потеряла доверие к своему немецко-фашистскому союзнику, которое так и не было восстановлено в полной мере до конца войны.

Сложнее обстояло дело с трактовками сущности секретных приложений к пакту о ненападении между Германией и СССР. Вся предшествующая историография не упоминала об их существовании. Во второй половине 80-х – начале 90-х гг. по этой проблеме в советской науке развернулась одна из первых подлинно научных дискуссий. Некоторые историки (в частности, Г.Л. Розанов) впервые высказали мнение об экспансионистских целях переговоров между советскими и немецкими правительствами как для одной, так и для другой стороны. Подобные выводы ломали представление о политике советского правительства как направленной на сохранение мира и предотвращение вооруженных конфликтов. Однако большинство историков второй половины 80-х гг. предпочитали не анализировать содержание секретных приложений к пакту о ненападении.

Изменение идеологических установок в эпоху перестройки не изменило концепции рассмотрения сущности войны как противостояния капиталистической и коммунистической идеологии и общественно-политического строя. «Автор» перестройки М.С. Горбачев отмечал: «В войне победили не только наше оружие, экономика и политический строй – это была победа идей, во имя которых свершилась революция... Это была победа нашей идеологии...» [25, с. 81]. Однако в работе известного исследователя И.А. Росенко отмечается, что документы, впервые опубликованные во второй половине 80-х гг., «еще раз убедительно свидетельствуют о возможности политического и военного сотрудничества между государствами, имеющими разную политическую систему» [106, с. 16]. Подобный тезис встречается и в работах других исследователей эпохи перестройки. Таким образом, концепция сущности войны как противостояния общественно-политических систем и идеологий существенно дополняется тезисом о возможности компромисса между разными общественно-политическими системами и идеологиями.

Но, несмотря на закрепление в историографии тезиса о возможности компромисса между государствами с разным политическим строем, в научных трудах большинства историков перестроечной эпохи в соответствии с традициями советской историографии подчеркивается непоследовательность и противоречивость политики союзников по антигитлеровской коалиции. И.А. Росенко отмечает по этому поводу: «США... и Англия на конференциях пытались прежде всего переложить основные тяготы войны на плечи советского народа... Факт выдвижения предварительных условий, обеспечивавших открытие второго фронта в Европе, подтверждал, по существу, неизменность прежнего курса правящих кругов Англии и США в этом вопросе... – курса на истощение СССР» [106, с. 16]. Положение о противоречивости политики правительств держав-союзников не исчезло со страниц научной литературы и в 90-е гг. [109, с. 15].

Научная работа по исследованию истории Второй мировой войны еще более активизировалась в начале 90-х гг. Тому способствовали рассекречивание

многих документов, касающихся Второй мировой войны и ликвидация идеологического пресса, определявшего развитие советской историографии.

Историография начала 90-х гг. в значительной степени строит свои концептуальные положения на основе отрицания концепций советской историографической науки. Особой критике подверглась деятельность И.В. Сталина и концепция руководящей роли КПСС как организатора и вдохновителя победы над фашизмом. Однако очень часто, как отмечает историк и публицист Ю.А. Поляков, «начав с вскрытия ошибок Сталина, критики перешли к разносу всего и вся, что касалось войны как Отечественной, армии, доказавшей способность оправиться от тяжких ударов, народа, поднявшегося в патриотическом порыве, проявившего стойкость и мужество» [103, с. 136]. На фоне критики деятельности Верховного Главнокомандующего в отечественной историографии разрабатывается концепция личной ответственности И.В. Сталина за поражения Советской Армии в приграничных сражениях. Сторонником этого положения является Г.Л. Розанов, исследовавший политику советского правительства в предвоенные годы [105]. Данная концепция наиболее популярна в трудах историков последних пятнадцати лет.

Если в советской историографии наблюдалось концептуальное единство по всем основным проблемам Второй мировой и Великой Отечественной войны, то историографическая наука последнего десятилетия XX в. представляет собой пеструю картину различных концепций, мнений, точек зрения относительно событий 1939–1945 гг. Для облегчения изучения российской историографии необходимо классифицировать ее по нескольким направлениям. Учитывая генетическую связь советской и современной российской науки и то, что постсоветская историография зародилась на основе критического анализа трудов советских историков, представляется целесообразным ввести в качестве критерия классификации отношение современной науки к положениям советской историографии. По общему анализу наиболее референтных работ отечественных историков 90-х гг. можно выделить три основных направления

русской историографии: консервативное, критическое и радикальное. Первой в историографии последнего десятилетия XX в. оформилось критическое направление. Однако в первой половине 90-х гг. были очень популярны радикальные концепции. Консервативное же направление начало набирать силу примерно с середины 90-х гг. XX в. – прежде всего как ответ на укрепление радикальных научных позиций в историографии войны, а также вследствие возвращения интереса к исследованиям советских историков.

Особенностью начального периода последнего этапа войны было замедление темпов исследования событий 1939–1945 гг., что выразилось в уменьшении количества и тиража выпускаемых монографий. К значительным отрицательным последствиям привело резкое уменьшение объемов финансирования научных изысканий. На этом фоне большую финансовую поддержку западных фондов получили издания книг, представляющих радикальное крыло отечественной историографии войны (работы Б.В. Суворова-Резуна, В.В. Бешанова, Б.В. Соколова и др.). Однако в последнее время, особенно в канун празднования 55- и 60-летия Победы организационные и финансовые условия для проведения исследований улучшились, что укрепило критическое и, прежде всего, консервативное направление в историографии.

Наиболее широкое направление историографической науки последних полутора десятилетий – критическое – сразу исключило из научного оборота концепции организующей роли КПСС в войне и конфликта общественно-политических систем в военном противостоянии 1939–1945 гг. Вопрос о роли личности «вождя народов» также был решен однозначно – за основу была взята концепция личной ответственности И.В. Сталина эпохи оттепели, одним из основных аргументов в пользу истинности которой служили обнародованные данные о репрессиях командного состава Красной Армии в предвоенный период. Политика сталинского руководства в предвоенное время и военные годы представителями критического направления рассматривается исключительно с негативных позиций. Рассматривая деятельность И.В. Сталина, Е.Г. Плимак писал: «Что касается наших жертв, то вина в них в

громадной степени лежит на Сталине. Борясь за диктаторскую единоличную власть, он «обезглавил» как раз перед войной с фашизмом РККА, не позволил Тимошенко привести к полной боеготовности приграничные округа» [91, с. 14].

Однако тезис о единоличной вине Сталина в больших потерях Красной Армии поддерживается не всеми историками критической линии. Известные специалисты по военной истории А.Н. Мерцалов и Л.А. Мерцалова отмечают: «Изъяны нашей литературы особенно ярко проявились в оценке Жукова... Жукову приписали все победы, Сталину – поражения, назвав первого «главнокомандующим крупнейшей армией и победителем вермахта». Его жестокость и самовластье, «трофейную кампанию» при этом проигнорировали» [73, с. 151-152]. Однако тезис о коллективной ответственности Сталина и высшего военного руководства в науке не закрепился.

Критическое направление отечественной историографии войны пересмотрело статистические сравнительные данные потерь Красной Армии и фашистских военных частей. В 1993 г. издается сборник «Гриф секретности снят», в котором с позиций новых данных рассматривается вопрос о боевых потерях советских Вооруженных сил. Общее соотношение потерь армий СССР и фашистской Германии на основе данных авторов сборника составляет соответственно 1,8:1. Вопрос о цене победы – непомерных жертвах солдат и гражданского населения оставался «белым пятном» в советской историографии: в большинстве монографий статистические материалы либо не приводились вообще, либо искажались в сторону уменьшения численности погибших советских воинов и гражданского населения. Однако выведенные на основе системного анализа итоговые данные о советских и немецких потерях за всю военную кампанию 1941 – 1945 гг. в сборнике «Гриф секретности снят» признаются далеко не всеми историками – многие считают, что реальных потерь РККА было значительно больше [113, с. 38].

Представители критической линии российской историографической науки по-новому трактуют роль западных держав-союзников по антигитлеровской коалиции в победе над фашизмом. На основе ставших доступными

отечественным исследователям исчерпывающих данных поставок по ленд-лизу отдельно по каждому виду вооружения они делают вывод о большом значении помощи союзников в войне. Однако концепция определяющей роли СССР в войне при этом не подвергается критике. Следует отметить, что критическое направление российской исторической науки сблизило отечественную и зарубежную историографию, исключив из научного оборота или пересмотрев некоторые положения, по которым у советских и западных историков были разногласия.

Другое направление отечественной науки – радикальное – представлены такими историками, как В.А. Суворов-Резун, В.В. Бешанов, Ж.А. Медведев, Б.В. Соколов, отчасти Ю.Н. Афанасьев и др. Данное научное направление строит свои концептуальные положения на основе отрицания истинности результатов исследований всей предшествовавшей советской историографии. Наиболее известный историк радикального направления, автор книг «Ледокол» и «Аквариум» В.Б. Суворов-Резун на основе анализа документов советско-германских отношений делает вывод о якобы готовившейся И.В. Сталиным превентивной войне против Германии. Кроме того, СССР, по мнению В.Б. Суворова-Резуна, наряду с «осью зла» несет ответственность за развязывание Второй мировой войны. Подобные рассуждения созвучны взглядам Э. Нольте, З. Бжезинского и других сторонников данной концепции в западной науке, однако они не находят широкой поддержки в научной среде отечественных историков.

Анализируя сущность противостояния в войне, радикальное направление отечественной науки выдвигает концепцию противоборства двух тоталитарных систем – фашизма и коммунизма. Ю.Н. Афанасьев по этому поводу писал: «Отечественная война – всего лишь сталинская версия, на самом деле это была схватка двух тиранов... Сталин готовился к войне наступательной, агрессивной...» [12, с. 28]. Данные суждения аналогичны взглядам большинства западных ученых о битве двух тоталитарных режимов (У. Лакер, Э. Нольте и др.). Наиболее последовательные представители радикального

направления подвергают критике концепцию войны 1941 – 1945 гг. для СССР как отечественной. Однако данная точка зрения вызывает возражения даже у многих радикалов.

Консервативное крыло отечественной исторической науки оформилось немного позже критического и радикального. Наиболее авторитетными учеными по числу цитирования их работ в историографических обзорах являются Н.А. Нарочницкая, А.В. Огнев и др. Консервативное направление всецело разделяет положения советской науки о справедливом, отечественном, народном характере войны. Яркой чертой этого крыла исторической науки является стремление «защитить» Победу от «поругания» западной прессой и наукой. В связи с этим ученые данного направления акцентируют свое внимание на критическом анализе концепций западных научных школ.

К примеру, отстаивая концепцию определяющей роли СССР в победе над фашизмом, последователь консервативного направления историографии Ю. Плетиков отмечает: «Те, кто сейчас изображает Советский Союз «империей зла», должны поклониться советскому, в первую очередь русскому народу, который, несмотря на тяжкие испытания и трудности, выстоял и победил...» [102, с. 75-76]. Научные труды историков консервативной линии освещают ход войны в большинстве случаев в героическом аспекте. В основном концепции войны историков-консерваторов соответствуют основным научным положениям советской исторической школы.

В целом в отечественной историографии последнего десятилетия XX - начала XXI вв. наблюдаются тенденции «закрашивания» «белых пятен», характерных для советской историографии. Появились работы историков, исследующих причины и сущность коллаборационизма, положение на оккупированной территории, судьбу советских военнопленных. Подобные тенденции сегодня можно отметить и в западной историографии. Наряду с героическим аспектом изучения Второй мировой войны исследователи обращают свое внимание на трагические страницы истории войны. В начале 90-х гг. были опубликованы данные о потерях советской Армии в годы войны.

Историография освобождается от символов и мифов, свойственных советской исторической науке. Однако, как отмечает В.А. Золотарев, сегодня наблюдается «забвение общих проблем войны и повышение внимания к частным ее моментам» [47, с. 5].

В начале 90-х гг. в отечественную историческую науку был введен термин «Холокост». Исследование Холокоста все больше привлекает внимание российских исследователей [61, с. 161]. В Москве создан научно-просветительский центр «Холокост», издается Российская библиотека Холокоста. Однако, наряду с изданием научной литературы по Холокосту, издаются также книги антисемитского характера. Пример – выход в свет книги Ю. Графа «Ложь о Холокосте» в русском переводе [8, с. 167]. Отношение к проблеме Холокоста в российской научной среде пока противоречиво.

Таким образом, отечественная историография Второй мировой войны за шесть десятилетий своего существования прошла путь от «безвольного орудия государственного идеологического аппарата» [72, с. 81], выражавшего идеологические установки партии до периода отсутствия концептуального единства среди ученых даже по самым основополагающим проблемам изучения военного противостояния. Однако можно выделить инвариантное концептуальное положение как для советской, так и для современной отечественной науки – представление о справедливом, народном характере войны. Еще один тезис о решающей роли Советского Союза в победе над фашизмом, выдвинутый еще историками сталинской эпохи, с некоторыми изменениями останется доминирующим все шесть десятилетий историографии Второй мировой войны.

Советская историческая наука рассматривала войну как противостояние идеологий и общественных систем, подчеркивая при этом преимущества социалистического строя. С распадом одной из сверхдержав и окончанием «холодной» войны данная концепция более не находила поддержки среди ученых. «Камнем преткновения» для советской и современной российской историографии стали вопросы роли И.В. Сталина и КПСС в организации

победы над врагом. Работы советских историков сталинского времени полны дифирамбов, посвященных вождю; значительное число монографий, выпущенных после смерти Сталина, исследуют руководящую роль партии в организации Победы. Эти положения в современной науке являются объектом критики со стороны множества научных школ.

Концепции Второй мировой войны, разработанные советскими историками, противоречили взглядам большинства представителей западной науки. Это касается проблем оценки сущности политики СССР и западных держав в предвоенные годы и в эпоху войны, ответственности за развязывание войны, роли восточного и западного фронтов в войне, вклада Советского Союза и западных держав в победу над фашизмом, роли ленд-лиза в победе СССР в Великой Отечественной войне и др.

Современная отечественная историография по некоторым вопросам сблизилась с европейской наукой. Прежде всего, это касается более объективной оценки роли союзников. Однако этот факт нельзя рассматривать как сближение российских и зарубежных научных школ, поскольку парадигмы изучения Второй мировой войны российскими историками консервативного и критического направления остались прежними. Пересмотр отдельных концепций советской науки историками критического направления не затронул парадигмы исследования событий 1939–1945 гг., свойственных советской науке. И критическое, и, прежде всего, консервативное направление российской науки рассматривает историю войны с этноцентричных позиций.

Глава 2. Освещение ключевых событий Второй мировой войны в отечественных и зарубежных школьных учебниках

Отечественной педагогической наукой накоплен значительный потенциал сравнительного исследования содержания отечественного и зарубежного образования [28, 69, 21, 57, 9]. Сравнительная педагогика в советское время развивалась в условиях научной цензуры, и поэтому советские учёные-педагоги в своих исследованиях были вынуждены выражать идеологические установки советской пропаганды. В последние два десятилетия условия развития компаративистской педагогической науки улучшились. Однако диалогу российских и западных учёных пока еще мешают языковые барьеры, своего рода «недоверие» к России и российской педагогике на Западе.

Интерес к сравнительному анализу содержания отечественных и зарубежных учебников истории возник сравнительно недавно – с падением «железного занавеса» в нашей стране и окончанием эпохи «холодной» войны. За последние два десятилетия было проведено несколько международных конференций и опубликованы некоторые материалы сравнительного изучения школьных учебников. Одной из первых в 1994 г. в Институте международного изучения школьных учебников им. Георга Эккерта в Брауншвейге состоялась российско-германская конференция, посвященная сравнительному исследованию содержания современных российских и немецких учебников по истории и географии. Через два года в Москве совместно с Московским институтом развития образовательных систем была проведена II Российско-германская конференция, посвященная анализу содержания учебного материала по истории второй половины XIX – начала XX вв. в российских и немецких учебниках [107].

Участники конференции сделали ряд важных выводов, иллюстрирующих отличительные особенности и общие черты отечественных и зарубежных учебников. П.Н. Зырянов отметил сильное изменение событийной канвы и

трактовок многих исторических явлений в российских учебниках в отличие от западных за последние 20 лет [107, с. 29]. Это связано с изменениями в отечественной исторической науке на рубеже 80-х – 90-х гг. Немецкий специалист в области учебниковедения Х.Д. Леве отметил многообразие подходов и суждений в российских учебниках [107, с. 63]. Анализ современных отечественных учебных книг по истории XX в. дает основание сказать о том, что авторы учебников часто расходятся в трактовках даже самых важных событий, определивших ход исторического процесса. С другой стороны, западные, и, прежде всего, немецкие учебники, отличается тенденция к поиску своеобразного консенсуса в трактовке некоторых основополагающих моментов развития и исторических событий [107, с. 106].

В 1997 г. в Брауншвейге прошла III Германо-российская конференция «Преодолевая социалистическое прошлое», посвященная анализу отражения послевоенной истории социалистических стран в школьных учебниках. Многие ученые, принявшие участие в работе конференции, отметили довольно большие различия в трактовках событий послевоенной истории.

Сравнительное изучение отражения материала о Второй мировой войне в зарубежных и отечественных учебниках было проведено Л.Н. Алексашкиной. Результаты исследования опубликованы в журнале «Преподавание истории и обществознания в школе» [2]. Автор рассматривает различия в построении курсов истории XX в., принципах отбора сюжетов по истории Второй мировой войны в западных и современных российских учебниках для средней школы. Л.Н. Алексашкина акцентирует внимание прежде всего на дидактических аспектах представления материала о событиях 1939–1945 гг. в учебниках.

За рубежом основным центром научных дискуссий и публикаций материалов сравнительных исследований содержания школьных учебников является журнал „Internationale Schulbuchforschung“. За последнее десятилетие в данном периодическом издании был опубликован ряд статей американских, английских и немецких авторов, посвященных сравнительному изучению отражения материала о Второй мировой войне в школьных учебниках [149,

167, 174, 178]. Западные ученые подробно исследовали различия в трактовках многих событий Второй мировой войны и отдельных проблем ее изучения: наступление немецкой армии в 1940 – 1941 гг., причины поражения Германии, атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, вклад держав антигитлеровской коалиции в победу и др. Большинство западных специалистов в области учебниковедения отмечают довольно большие различия в концептуальном содержании материала о войне в учебных книгах.

Все вышеупомянутые сравнительные исследования были посвящены в основном анализу различий трактовок отдельных, частных вопросов войны. Поэтому на их основе довольно трудно составить целостную картину различий в парадигмах и концепциях Второй мировой войны, представленных в школьных учебных книгах разных стран, а также выделить определенный инвариант трактовок событий 1939–1945 гг.

В настоящей главе представлен материал сравнительного анализа концепций Второй мировой войны, получивших отражение в американских, английских, немецких и российских школьных учебниках истории. Следует отметить, что в эпоху «холодной» войны на карте современной Германии существовало два государства – ФРГ и ГДР – и, соответственно, две разные системы школьного исторического образования. В силу того, что образовательная политика и содержание школьных учебников восточной Германии было ориентировано на советскую модель и часто просто копировалось, в данной работе не предполагается систематический анализ школьных учебных книг, издававшихся в ГДР.

В данной главе работы не предполагается изучение содержания материала о Второй мировой войне в школьных учебниках, изданных до окончания войны и в первое послевоенное десятилетие, поскольку научные концепции Второй мировой войны в них еще не нашли отражения. Кроме того, содержание материала о событиях 1939–1945 гг. в таких учебных книгах «отягчено» конъюнктурными внешнеполитическими и идеологическими факторами.

2.1. Трактовки ключевых событий Второй мировой войны в учебниках США и Великобритании

Содержание школьной учебной литературы в Англии и США имеет много общего. Это обусловлено, во-первых, близостью американской и английской исторической науки, во-вторых, отсутствием языковых барьеров, предоставляющих возможность многочисленных научных контактов ученых и авторов учебников двух стран. В исследовании и преподавании истории Второй мировой войны близость научных взглядов обусловлена также общностью внешнеполитических устремлений в предвоенное время и в годы войны, а также близостью идеологических принципов. В силу этого представляется уместным осветить содержание материала о событиях 1939–1945 гг. в американских и английских учебниках в одном разделе.

В английской и американской системе школьного образования единые учебные планы отсутствуют. Однако определенная стандартизация содержания учебного материала в школах по всем предметам обеспечивается единством требований к выпускникам, обеспечиваемых государственным тестированием [11]. В связи с этим корреляция объема учебного материала о Второй мировой войне в учебных планах и различия исторических концепций событий 1939–1945 гг. в разных английских и американских учебниках не так велики. В среднем учебники истории XX в для средних школ в Англии содержат 13,5% материала о Второй мировой войне. В американских учебниках по новейшей истории объем материала о событиях 1939–1945 гг. несколько меньше – 11,9%. В основном внимание авторов американских учебников привлекает история после вступления США в войну.

Описание событий Второй мировой войны в американских и английских учебниках начинается с подробного анализа проблемы сущности предвоенной политики ведущих мировых держав и вопроса об ответственности за развязывание войны. Все авторы школьных учебников Англии и США

поддерживают тезис о виновности Гитлера и его ближайшего окружения в преступлениях против человечества, выразившихся в развязывании войны. Ни в одном учебнике не заявлено открыто о коллективной с Германией, Италией и Японией ответственности за начало войны правительств ведущих держав. Однако позицию авторов по данному вопросу несложно понять по выводам, сделанным на основе аналитического описания предвоенных международных отношений, а также на основе анализа представленных в учебных книгах документов. Основная часть авторов американских и английских учебников предпочитают не анализировать последствия Мюнхенских соглашений. В тех учебниках, где представлен материал о последствиях договора Германии и западных держав 1938 г., не отмечена связь между его заключением и началом войны. Мюнхенские соглашения оцениваются в рамках политики умиротворения гитлеровской Германии. К примеру, в американском учебнике «История США» отмечается следующее: «28 сентября 1928 г. в Мюнхене Великобритания и Франция согласились на расчленение Чехословакии для того, чтобы гарантировать мир» [145, с. 542]. Оценки Мюнхенских соглашений в английских и американских учебниках неизменны на протяжении последних пяти десятилетий.

Трактовки сущности и последствий заключения пакта о ненападении между Советским Союзом и Германией более противоречивы. На основе сравнительного анализа трактовок пакта 23 августа 1939 г. в англоязычных учебниках, изданных в эпоху «холодной» войны и за последние два десятилетия после крушения двухполюсного мира, можно выделить тенденцию в сторону менее радикальных оценок сущности и последствий заключения договора между СССР и Германией. К примеру, в английском учебнике 1979 г. издания отмечена прямая связь между подписанием советским правительством и немецкой властью пакта о ненападении и началом войны: «Договор 23 августа 1939 года можно считать окончанием мирной эпохи. Подписанием этого документа Советский Союз и фашистская Германия разделяли мир на сферы влияния. Реализацией договоренностей и началась Вторая мировая

война» [197, с. 178]. Оценки сущности и последствий пакта о ненападении в американских учебниках эпохи «холодной» войны тождественны английским. Наиболее ярко о содержании и последствиях заключения договора 23 августа 1939 г. пишет А. Ноак: «Фашистская Германия и Советский Союз 23 августа 1939 г. разделили мир на сферы влияния. Подписанием этих договоренностей советское правительство развязало руки Гитлеру» [179, с. 156].

В учебных книгах, изданных после окончания эпохи «холодной» войны, оценки пакта о ненападении менее категоричны и радикальны: большинство авторов не отмечают прямой причинно-следственной связи подписания пакта и начала войны. Однако все авторы изученных английских и американских школьных учебников в отличие от отечественных отмечают добровольный, невынужденный характер подписания пакта о ненападении для советской стороны. На основе этого тезиса в большинстве англоязычных учебников сделан вывод о предательском характере по отношению к западным державам факта подписания договора 23 августа 1939 г. со стороны Советского Союза. Продолжая далее анализ сущности договора между СССР и фашистской Германией, некоторые авторы учебников говорят о том, что 23 августа 1939 г. окончательно разрушило все надежды на продолжение мирного диалога СССР, США, Великобритании и Франции с фашистской Германией и предотвращение войны силами международного сообщества. К примеру, в учебнике Д. Бурстина рассказ о международных отношениях в предвоенное время завершается выводом: «Гитлер потряс целый мир, когда объявил о подписании договора со Сталиным в 1939 г. Секретные приложения разделили мир: Германия получала Западную Польшу, СССР получал возможность захватить Финляндию, Эстонию, Латвию и Восточную Польшу... В течение двух недель храбрая многострадальная Польша была разделена между двумя тиранами» [145, с. 144].

Важнейший дискуссионный вопрос в отечественной и зарубежной историографии, «перекочевавший» в школьные учебники – вопрос о роли фронтов в войне и вкладе держав союзников по антигитлеровской коалиции в

победу над фашизмом. Американские и английские учебные книги отличает большой интерес к данной проблеме. В учебниках англоязычных стран вопрос о роли фронтов не имеет однозначного толкования. Авторы нескольких английских и американских учебников высказывают прямые оценочные суждения об определяющей роли западного фронта. Прежде всего это касается учебных книг, изданных в эпоху идеологического противоборства СССР и ведущих капиталистических государств. Однако в большинстве других школьных учебных пособий авторы избегают собственных суждений о роли восточного и западного фронтов в войне. Позицию авторов по данной проблеме можно определить лишь на основе изучения ключевых событий и поворотных пунктов, выделяемых ими при описании истории Второй мировой войны, а также на основе контент-анализа объема материала о ходе войны на восточном и западном театрах военных действий.

В большинстве американских учебных пособий ключевым событием Второй мировой войны названо вступление США в войну. Некоторые американские авторы школьной учебной литературы поворотными пунктами в войне называют сражения при Гуадалканале и у атолла Мидуэй, в которых ключевую роль сыграла армия США, а также открытие второго фронта и высадка десанта в Северной Африке: «Когда США вступили в войну, она уже «полюхала» на территории почти всей Европы, в Северной Африке и части Советского Союза. К концу 1942 г. силы союзников начали останавливать немцев и итальянцев. В Северной Африке британские солдаты побеждали немцев... Эти события были важнейшими поворотными пунктами войны...» [197, с. 412].

Авторы английских учебников в качестве ключевых также выделяют в основном события на западном театре военных действий. Однако большинство «поворотных пунктов», названных в учебных книгах для школ Англии, связано с участием в них английских вооруженных сил. К примеру, в учебнике К. Коутса отмечено всего одно сражение, изменившее весь ход Второй мировой войны: «В сражении под Эль-Аламейном, в котором доблестные английские

войска и их союзники одержали победу над противником, определился перелом в войне» [172, с. 212].

На основе анализа выделяемых авторами английских и американских школьных учебников ключевых событий в войне можно сделать вывод о поддержке ими концепции определяющей роли второго фронта в войне. Однако трактовка проблемы роли фронтов в войне имеет национальную специфику и характеризуется преобладающим вниманием к сражениям, в которых особую роль играли национальные вооруженные силы.

Высокая оценка роли западного театра военных действий в англоязычных учебниках также обнаруживается при проведении контент-анализа, направленного на расчет и сравнение объема учебного материала, посвященного западному и восточному фронтам. Освещение хода войны на западном фронте в американских учебниках занимает больший объем, чем рассказ о событиях на советско-германском – до 75 % объема раздела о Второй мировой войне против 25 % соответственно. В английских учебниках эти показатели отличаются незначительно – 72 % объема раздела о событиях 1939–1945 гг. в среднем выделяется рассказу о ходе войны на западном театре военных действий. После окончания «холодной» войны в американских учебниках соотношение объема материала о событиях на западном и восточном фронтах немного изменяется – до 71 % объема раздела о войне отводится изучению событий на западном фронте и только 29 % на восточном фронте. В английских учебниках двух последних десятилетий это соотношение остается примерно тем же. В некоторых американских и английских школьных учебниках не упоминаются такие крупные события войны на восточном фронте, как сражения под Москвой, блокада Ленинграда, самое крупное танковое сражение – битва на Курской дуге, операции по освобождению территории СССР в 1944 г. [187, 145, 197].

Логическим продолжением исследования трактовки роли фронтов в войне в зарубежных учебных книгах по истории является изучение оценки вклада держав-союзников по антигитлеровской коалиции в победу над фашизмом.

Наиболее ярко данная проблема раскрывается в американских учебниках, изданных в эпоху «холодной» войны. Большинство авторов учебных книг этого периода прямо заявляют о том, что американская армия внесла наибольший вклад в победу над фашизмом. К примеру, в учебнике Р. Ричарда роль США в разгроме фашизма описана следующим образом: «Американская армия своими героическими подвигами сыграла важнейшую роль в общей победе союзников над фашизмом, фактически предопределив разгром гитлеровской армии и ее союзников» [185, с. 135]. Однако среди большинства сторонников концепции определяющего вклада США в победу над фашизмом в эпоху идеологического противоборства некоторые авторы учебников подчеркивали мысль о том, что победа над фашизмом была достигнута общими усилиями всех стран-союзников, не выделяя вклад каждого государства, воевавшего на стороне антигитлеровской коалиции отдельно. Наиболее ярко «одна на всех» победа описана в учебнике М. Фишера: «Победа демократических сил над человеконенавистнической фашистской идеологией и преступной гитлеровской армией была достигнута общими усилиями всех прогрессивных сил в мире, военными действиями всех союзников по антигитлеровской коалиции...» [158, с. 342].

Американские учебники, изданные в последние две десятилетия, в трактовке проблемы вклада держав-союзников по антигитлеровской коалиции в победу можно разделить на несколько категорий. В некоторых учебных книгах изучаемого периода авторы предпочли не разделять вклад держав-союзников в победу и уйти от оценок роли США в войне. Значительная часть авторов американских учебников в соответствии с концепцией решающего вклада США в победу над фашизмом наиболее высоко оценивают роль американской армии в достижении победы над врагом. Большинство составителей американских учебников последних двух десятилетий подчеркивают общий характер победы для всех государств-союзников по антигитлеровской коалиции и одинаково высоко оценивают как роль американской армии, так и вооруженных сил других государств в разгроме фашизма. Наиболее четко данная позиция

представлена В. Вульфом в авторском учебнике, изданном в 1999 г.: «Май 1945 г. явился победным для многих миролюбивых государств. Победа над врагом была достигнута общими усилиями союзников, их доблестными армиями. Среди них – американская армия. Мы гордимся этой победой...» [199, с. 238].

С проблемой вклада держав, входивших в антигитлеровскую коалицию, в победу тесно связан вопрос о роли ленд-лиза в победном исходе войны для союзников. Тема значения поставок по закону о ленд-лизе является одной из важнейших и интересных для авторов американских учебников. В оценке ими роли поставок военной техники воюющим странам в годы войны за последние десятилетия особых изменений не произошло. Во всех изученных американских учебниках значение ленд-лиза для победного исхода войны оценивается очень высоко. К примеру, в учебнике 1973 года издания о значении поставок по ленд-лизу написано следующее: «Принятие закона о ленд-лизе и дальнейшая его реализация было одним из важнейших факторов, приблизивших победу над врагом. Особую роль реализация закона о ленд-лизе сыграла для Советской Армии, получившей безвозмездно основную часть военной техники по этому закону...» [194, с. 202]. В учебнике, изданном в 1998 г., трактовки роли ленд-лиза не изменились: «Поставки военной техники, осуществлявшиеся американским правительством армиям союзников, имели важнейшее значение для победы над врагом. Особую роль ленд-лиз сыграл для Советской Армии, значительно укрепив ее боеспособность...» [192, с. 124]. Во всех американских учебниках приводится подробная статистика объемов поставок военной техники, а также продовольствия по этому закону. Все эти данные свидетельствуют о популярности среди авторов учебников для школ США концепции важнейшей роли ленд-лиза в организации победы над фашизмом.

Английские школьные учебные книги характеризуются меньшим вниманием к проблеме значения ленд-лиза для победного исхода войны. Большинство авторов учебников упоминают и освещают объемы поставок по ленд-лизу, но, в отличие от американских коллег, не говорят прямо о большой

значимости ленд-лиза для победы над фашизмом. Только в одном английском учебнике представлен авторский вывод: «Как показывают статистические данные, бескорыстная помощь в виде поставок по ленд-лизу значительно укрепила боеспособность армий антигитлеровской коалиции. Таким образом, ленд-лиз имел важнейшее значение для победного исхода войны» [171, с. 185].

В целом, приводимые как в американских, так и в английских учебных книгах данные об объемах военной помощи по ленд-лизу довольно сильно отличаются от данных, которыми оперируют авторы советских и современных российских учебников. К примеру, в английских и американских учебниках количественные показатели поставок самолетов в 1,8 раза выше, чем в российских книгах, по танкам – в 1,3, по другой военной технике – в среднем в 1,1 раза. Все это позволяет сделать вывод о высокой оценке авторами англоязычных учебников значения ленд-лиза. В особенности это касается американских составителей школьной учебной литературы.

Важнейшим вопросом, имеющим прежде всего мировоззренческое значение, является проблема сущности противостояния в войне. Трактовки данного вопроса в английских и американских учебных книгах неоднозначны. Идеологическое противостояние эпохи «холодной» войны явилось фактором, определившим концептуальное противоборство школьных учебных книг. Прежде всего, это касается вопроса сущности противостояния в войне. На основе сравнительного анализа трактовок данного вопроса в англоязычных учебниках, изданных в эпоху «холодной» войны, и в современных английских и американских учебных книгах можно выделить определенную концептуальную трансформацию в решении данной проблемы.

Авторы большинства английских и американских школьных учебников эпохи «холодной» войны рассматривают в качестве «империи зла» не только Германию, но и коммунистический Советский Союз. По мнению данных авторов, причиной войны и основной ее сущностью было противоборство двух «тоталитарных монстров», выражавших захватнические идеологические взгляды. При этом коммунизм, как и фашизм, рассматривался априори как

экспансионистская идеологическая система. Союзники СССР по антигитлеровской коалиции – ведущие капиталистические державы, по мнению английских и американских авторов учебной литературы, являлись единственными выразителями «идей мира и демократии» [197, с. 103]. Наиболее ярко такую позицию по вопросу сущности противостояния в войне выразил А. Ноак: «Вторая мировая война явилась для всего демократического мира невиданной доселе схваткой двух тоталитарных, антигуманных общественно-политических систем – фашизма и коммунизма. Как фашистская, так и коммунистическая идеологии направлены на экспансию, на расширение своего влияния. Однако для советского народа эта война стала впоследствии освободительной и СССР примкнул к антигитлеровской коалиции» [179, с. 210]. Американский автор К. Уайт даже «удивлен» противоестественностью антигитлеровской коалиции: «Антифашистская коалиция государств не была сплоченной, более того, в идеологическом и общественно-политическом смысле она была очень странным, временным объединением стран, воевавших против фашизма. Последующие годы и, прежде всего, начало «холодной» войны со всей убедительностью показали справедливость данного вывода...» [198, с. 294].

Только в одном английском учебнике, изданном в годы «холодной» войны, утверждается, что Вторая мировая война была войной за жизнь и свободу многих государств – членов антигитлеровской коалиции. В данной учебной книге не противопоставлены ведущие капиталистические страны, воевавшие против фашистской Германии, и Советский Союз. Война 1939–1945 гг. в рассматриваемом учебнике освещается в русле концепции противостояния фашистской Германии и ее союзников с антигитлеровской коалицией государств, представлявших разные общественно-политические идеологии и системы, но имевшие единые цели в войне [197].

Анализ американских и английских школьных учебников, вышедших после окончания «холодной» войны, позволяет выявить тенденцию увеличения популярности данной концепции. Менее половины учебников последних двух

десятилетий изображают сущность противостояния в войне в русле концепции противоборства двух экспансионистских общественно-политических систем. Однако основная часть современных английских и американских авторов освещает войну как борьбу фашистского блока с антигитлеровской коалицией государств. При этом многие составители учебной литературы не делают акцента на целях государств-членов антифашистской коалиции, на различии в их общественно-политическом строе и идеологических системах.

С проблемой сущности военного противостояния тесно связан вопрос о характере войны для западных держав и Советского Союза. Все авторы англоязычных учебников безапелляционно утверждают, что для Великобритании, США и Франции Вторая мировая война носила освободительный, справедливый характер. Основным предметом спора среди авторов зарубежных и отечественных учебников является вопрос о характере военных действий для Советского Союза. В большинстве американских и английских учебников прямо отмечен освободительный характер войны для СССР, но только до 1944 г. По мнению многих авторов англоязычной школьной учебной литературы, советские войска, освобождая от фашистского ига Европу, несли ей новую оккупацию. К примеру, в американском учебнике Д. Брустина сказано следующее: «Сталин был жестким и умным торговцем. Сначала он потребовал, чтобы во главе освобожденной Польши стояло марионеточное коммунистическое правительство. Рузвельт и Черчилль возразили. Сталин обещал позволить полякам демократически избирать правительство... Слишком скоро демократические лидеры обнаружили несостоятельность сталинских обещаний. Снова и снова диктатор называл демократию мошенничеством [145, с. 570]. В новейшей американской и английской учебной литературе трактовки характера войны для СССР практически не изменились.

«Периферийный» вопрос для авторов английских и американских учебных книг – причины поражения советской Армии в начальный период. В большинстве учебников этот вопрос не рассматривается. Только в нескольких

школьных учебных книгах отмечена неподготовленность вооруженных сил СССР к отражению агрессии из-за просчетов самого Сталина и массовых «чисток» командующего состава армии в 1930-е гг. [197, 171, 192].

В отличие от немецких и отечественных учебников истории, в английских и американских учебных книгах практически не рассматривается вопрос о причинах поражения государств «оси зла» и источниках победы СССР. Только в одном учебнике основной причиной поражений немецкой армии на восточном фронте названы климатические факторы: «Сначала казалось, что Гитлер завоюет Россию также быстро, как и Францию. Но когда немцы были в пятнадцати километрах от Москвы, в Россию пришла зима. Немецкие солдаты замерзли. Топливо в танках превращалось в лед...» [145, с. 550-551].

Английские и американские учебники характеризуются небольшим вниманием к сущности и истории Холокоста. Во многих учебниках этот вопрос ввиду ограниченности учебного времени вообще опускается [145, 171, 187, 197]. В отдельных учебных книгах истории Холокоста посвящено несколько строк [194, 198]. В этом английские и американские учебники отличаются от немецких.

В целом, англоязычные учебники отражают основные концепции, принятые в американской и английской исторической науке. Среди общепризнанных и популярных можно выделить концепцию ответственности СССР за допущение гитлеровской агрессии, положение о ведущей роли западного театра военных действий в войне. Дискуссионными в учебниках Великобритании и США является проблема вклада держав-союзников по антигитлеровской коалиции в победу над фашизмом. Некоторые авторы отмечают определяющую роль США в победе. Однако значительная часть составителей учебной литературы предпочитает не разделять победу.

Большинство авторов учебников среди поворотных событий войны выделяют сражения, в которых участвовали американские и английские войска. Во всех англоязычных учебниках очень высоко оценивается роль ленд-лиза. Спорным вопросом в английской и американской школьной учебной

литературе является проблема сущности противостояния в войне. Многие авторы решают ее в традициях радикальных американских и английских научных школ, отмечая, что Вторая мировая война – это противоборство двух тоталитарных систем. В этом случае интересы мира представляют только западные державы – Англия, США, Франция и др. В других учебниках, прежде всего, изданных в последние два десятилетия, противостояние в войне рассматривается как противоборство Германии, с одной стороны, и союзников по антигитлеровской коалиции, включая Советский Союз, с другой.

Анализ содержания материала о Второй мировой войне в английских и американских учебных книгах позволяет определить их общую парадигмальную основу – этноцентризм, проявляющийся в превалирующем внимании к событиям на западном театре военных действий, а также в концепциях особой роли западных государств в войне, их решающем вкладе в победу.

2.2. Трактовки ключевых событий Второй мировой войны в немецких учебниках

В преподавании истории в школах Германии используется довольно большое число учебников и учебных пособий, написанных на основе разных образовательных стандартов и планов. Это вызвано отсутствием в системе немецкого образования единого государственного образовательного стандарта. В настоящее время проблемы образования в Германии находятся в компетенции земель [91, с. 81]. И, как следствие, учебное книгоиздание децентрализовано. Учебники издаются для определенных земель.

Вследствие отсутствия единого учебного плана для средней школы в немецких учебниках можно констатировать большой разброс объема материала о Второй мировой войне в структуре курса истории XX в. Расчет данной величины позволяет выявить определенные тенденции и степень внимания к военным событиям 1939–1945 гг. В учебниках для школ Германии материал о

Второй мировой войне занимает в среднем 9,38 % в общем объеме курса истории XX в. В учебнике М. Тремля [181] и школьном пособии, вышедшем в Ганновере под редакцией К. Бика событиям 1939 – 1945 гг. посвящено не более 3 % учебного материала. Напротив, содержание учебника «Зеркало: откуда мы, кем мы являемся» [186] структурировано таким образом, что истории Второй мировой войны принадлежит одно из ключевых мест – до 17,5 % от числа всех страниц книги.

Основной вывод, который можно сделать по итогам контент-анализа объема материала о Второй мировой войне в немецких учебниках, состоит в том, что школьное историческое образование Германии в большинстве случаев значительно меньше уделяет внимания событиям 1939–1945 гг., чем отечественное, американское и английское. Это накладывает отпечаток на характер отбора материала в немецких учебниках. В большинстве учебных книг для школ Германии история Второй мировой войны излагается на основе аспектного подхода. Довольно большое число важных событий войны остается за рамками содержания школьного исторического образования. К примеру, большинство немецких школьных пособий по истории XX в. не содержат материала о блокаде Ленинграда, событиях 1943 – 1944 гг. в истории войны.

Авторы немецких учебников также «обходят стороной» некоторые проблемы, ставшие предметом дискуссий в отечественной и зарубежной исторической науке, а также получившие отражение в английских, американских и «наших» учебниках: вопрос о сущности противостояния в войне, проблема целей воюющих держав. Это связано, во-первых, с ограниченностью времени на изучение Второй мировой войны, а, во-вторых, с тем, что основной целью фашистской Германии считается как «само собой разумеющееся» «захват жизненного пространства». Немецкие авторы предпочитают не заниматься «самобичеванием» и поэтому не рассматривают проблему сущности противостояния и целей государств в войне.

Важнейшей особенностью содержания немецких учебников является опора на первоисточники. Источники (государственные документы, выдержки из

международных договоров, мемуары участников событий, письма на родину с фронта) являются неотъемлемой частью учебных книг для школ Германии и занимают в них в среднем до 43 % всех страниц. Исходя из этого, большинство авторов немецких учебников не приводят «готовых» выводов и концептуальных объяснений сущности многих исторических событий и предлагают учащимся самим определить свое отношение к историческому факту и объяснить его причины, сущность и последствия.

Анализ содержания немецких школьных учебных книг дает основание сделать вывод о том, что их содержание не подвергалось резким концептуальным изменениям за последние полстолетия в отличие от отечественных учебников. Это связано с преемственностью периодов развития ФРГ и объединенной Германии и отсутствием революционных преобразований в обществе. Несмотря на это, при сравнении учебников ФРГ и Германии после падения Берлинской стены можно выделить определенные изменения, касающиеся прежде всего событий на восточном фронте и оценок политики СССР.

Авторы всех немецких учебников довольно подробно освещают международные отношения в предвоенный период. Отмечая содержание и сущность Мюнхенских соглашений, немецкие авторы рассматривают ее в рамках политики умиротворения Гитлера, не являвшейся непосредственно толчком к развязыванию войны [155, с. 141; 162, с. 109; 183, с. 130; 186, с. 152]. Оценки пакта Молотова-Риббентропа в немецких учебниках своеобразны. С одной стороны, договор 23 августа 1939 г. и секретные приложения к нему не являются предметом острой критики. С другой стороны, некоторые авторы подчеркивают связь советско-германских соглашений и принятия Гитлером окончательного решения о вторжении в Польшу, что и явилось началом Второй мировой войны. Особенно это характерно для учебных книг, изданных в эпоху «холодной» войны. К примеру, в учебнике «Политика и история 19 – 20 вв.», изданном в 1978 г. в Падерборне и Мюнхене, отмечено следующее: «Политика Советского Союза ... усилила тягу Гитлера к завоеваниям» [183, с. 130].

В большинстве немецких учебников отмечается цель гитлеровской экспансии – захват жизненного пространства [143, с. 100; 161, с. 120; 162, с. 111; 183, с. 127; 186, с. 150]. При этом тезис о превентивном характере гитлеровского нападения на СССР, популярный в западной историографии, ни в одном школьном учебнике Германии не нашел отражения. Таким образом, ответственность Германии за начало войны в немецких учебных книгах не отрицается. Однако Гитлер и его окружение не идентифицируются с немецким государством. Во многих учебниках в связи с этим ярко описаны факты противодействия гитлеровской экспансионистской политике в самой Германии [143, с. 120; 162, с. 115; 186, с. 188-189]. С другой стороны, в большинстве учебников не заявлена открыто концепция взаимной ответственности Германии и СССР за развязывание войны. Только в нескольких немецких учебных книгах [183; 186] пакт Молотова-Риббентропа трактуется как катализатор начала военных действий.

Авторы немецких учебников не рассматривают отдельно ответственность Италии и Японии за начало войны. Поскольку эти страны входили в ось «Берлин – Рим – Токио» и были союзниками Германии, их вина за развязывание войны в учебной литературе представляется очевидной и поэтому не подлежащей обсуждению.

С проблемой ответственности за развязывание войны связан вопрос о сущности предвоенной политики держав. Политика западных держав (США, Англии, Франции) в немецких учебниках рассматривается в рамках политики умиротворения Гитлера и не оценивается как экспансионистская. Оценки внешнеполитических действий Советского Союза в немецких учебниках более противоречивы. С одной стороны, ни в одной учебной книге политика СССР открыто не трактуется как захватническая. Однако большинство авторов немецких учебников трактуют ввод советских войск в Польшу 17 сентября 1939 г. как вторжение и ее захват подобно вторжению гитлеровской армии двумя с половиной неделями ранее [155, с. 141; 181, с. 24; 183, с. 130; 186, с. 155]. Трактовки сущности действий Советской Армии в Польше в немецких

учебниках являются инвариантными как для периода «холодной» войны, так и для Германии последних двух десятилетий.

Важнейшей особенностью содержания материала о Второй мировой войне в немецких школьных учебных книгах является также представление об экспансионистской сущности политики СССР и во время войны, прежде всего в годы освобождения европейских стран от «коричневой чумы» [181, с. 33; 183, с. 137; 186, с. 176]. В качестве аргумента в пользу данной позиции некоторые авторы учебников приводят рассказ о польском восстании: «В Варшаве польская подпольная армия подняла восстание против немцев, когда Красная Армия приближалась к городу. Вместо того чтобы оказать помощь, она остановилась на другом берегу Вислы и продолжила борьбу только после того, как польские силы были уничтожены – первый признак того, что Советский Союз не терпел других политических сил в захваченных областях» [186, с. 176].

Авторы немецких учебников не рассматривают подробно причины поражения советской армии в начальный период войны. Это одна из важных тем только для составителей отечественной школьной учебной литературы. В некоторых немецких ученых книгах вопрос о причинах поражений СССР в приграничных сражениях не освещается [155, 181, 183, 186]. Авторы учебников, рассматривающие данный вопрос [152, 163, 164, 169, 195], среди причин поражения советской армии летом-осенью 1941 г. называют массовые репрессии командного состава Красной Армии в довоенное время, просчеты и ошибки самого И. В. Сталина.

Яркой чертой содержания материала о Второй мировой войне в немецких учебниках являются трактовки причин поражения немецкой армии. Авторы большинства немецких школьных пособий определяют «начало конца» гитлеровских войск – поражение под Москвой и отмечают, что основной причиной неудач немецкой армии явилась неблагоприятная зимняя погода и сильные морозы [155, с. 144-145; 183, с. 134; 186, с. 162;]. К примеру, в учебнике «Напоминание и приговор», изданном в 1997 г., отмечается, что «немецкие войска в начале декабря 1941 г. расположились за 40 км. до Москвы.

Между тем необычно рано вторгшаяся зима с температурами до – 40 градусов остановили немецкое нападение» [155, с. 144-145]. Освещение причин поражений гитлеровской армии под Москвой не претерпело изменений в немецких учебниках после крушения берлинской стены в сравнении с книгами 60 – 80-х гг. Таким образом, научная концепция объективных факторов как причин поражений немецкой армии среди авторов учебной литературы в Германии находит поддержку и является инвариантным концептуальным положением для большинства учебных книг.

В отличие от отечественных учебников немецкие учебные книги не рассматривают подробно причины поражения советской армии в начальный период войны. Однако ряд авторов поднимают данный вопрос. В целом, освещение причин поражений Красной Армии в приграничных сражениях соответствует взглядам отечественных авторов учебной литературы по истории. В немецких учебниках основными причинами неудачного исхода первых месяцев войны для советских вооруженных сил отмечается фактор внезапности, недоверие И. В. Сталина к данным разведки о точной дате нападения [143, с. 105].

Авторы немецких учебников не обходят стороной освещение вопроса о роли второго фронта. В большинстве учебных книг Германии советско-германский фронт признается основным, события на котором определили победный для союзников исход войны. Наиболее отчетливо позиция авторов немецкой учебной литературы по вопросу о роли фронтов в войне проявляется в отстаивании ими теории «поворотных пунктов». Сущность данной проблемы состоит в поиске ответа на вопрос: какое событие в ходе Второй мировой войны можно считать решающим, переломившим ход военных действий. Следует отметить, что в отечественной историографии и содержании учебных книг данная проблема занимает важное место и трактуется как «коренной перелом». В немецких учебниках поворотным пунктом войны определяются неудачные для гитлеровских войск боевые действия под Сталинградом [143, с. 110; 155, с. 146; 162, с. 114; 181, с. 34; 183, с. 134; 186, с. 164]. Наиболее ярко

значение победы советских войск под Сталинградом показано в учебнике «Зеркало: откуда мы, кем мы являемся»: «Город Сталина стал символом военного перелома» [186, с. 164]. Наряду со Сталинградской битвой, многие авторы выделяют сражения на других театрах военных действий, «подтверждавшие поворот в войне [155, с. 146]: капитуляция немецкого африканского корпуса, сражение при Эль-Аламейне, высадка союзников в Сицилии [155, с. 146; 162, с. 114; 181, с. 34; 186, с. 164;]. Таким образом, немецкие авторы школьной литературы высоко оценивают роль восточного фронта в войне. Анализ содержания немецких учебников разных периодов развития Германии и международных отношений дает основание сделать вывод о том, что данное концептуальное положение является инвариантным для большинства учебных книг.

Вопрос о роли фронтов в войне тесно связан с другой важной научной проблемой – вклад союзников по антигитлеровской коалиции в победу над фашизмом. Однако, данная проблема в немецкой историографии не вызывает столь большого интереса, как в отечественной и американской. Поэтому в учебниках для школ Германии ей уделяется довольно мало внимания. Во многих учебных пособиях эта проблема не раскрывается вообще. Позицию авторов некоторых учебников можно определить лишь на основе анализа представленных сравнительных данных о потерях союзников, о важнейших сражениях, изменивших ход войны. В целом, авторы немецких учебных книг дают высокую оценку роли Советского Союза в войне, отмечая наибольшие потери вооруженных сил и гражданского населения в войне, а также выделяя ключевые события в войне, связанные с действиями советской армии.

Вместе с тем, авторы немецких школьных учебников не умаляют роль западных держав-союзников в победе над гитлеровскими войсками. Прежде всего, это выражается в высокой оценке значения поставок военной техники западными державами Советскому Союзу для борьбы с фашизмом [143, с. 108; 181, с. 25]. К примеру, в учебнике «История для гимназий Ольденбурга» приводятся данные об объемах поставок военной техники по закону о ленд-

лизе: в целом до 50 млрд. долл. до 1946 г., что имело немаловажное значение в победном для союзников исходе войны [181, с. 32].

Большинство авторов немецких учебников выделяют наряду с ключевыми событиями на восточном фронте сражения на других театрах военных действий, имевшие важнейшее значение и изменившие ход войны. В учебных книгах довольно подробно освещаются события в Эль-Аламейне, высадка союзников в Сицилии, действия союзных войск в 1944 – 1945 гг. Немаловажная проблема в оценке вклада союзников в победу над фашизмом – проблема открытия второго фронта. В немецких учебниках интерес к данной проблеме не так высок, как в отечественных, американских и английских. Тем не менее, в большинстве учебных пособий для школ Германии данный вопрос освещается довольно подробно. Большинство авторов немецких учебников высоко оценивают значение открытия второго фронта для победы над фашистскими войсками. Однако они не абсолютизируют второй фронт в войне. Преувеличение роли второго фронта более свойственно авторам американских и английских учебных книг. Следует отметить, что ни в одном немецком учебнике не приведен тезис о намеренном затягивании открытия второго фронта.

В освещении итогов Второй мировой войны авторы большинства немецких учебников «уходят» от анализа данных той цены, которую заплатило человечество за победу над фашизмом. Ни в одной немецкой учебной книге не приводятся точных данных о потерях вооруженных сил и гражданского населения государств-союзников по антигитлеровской коалиции. Освещая итоги военных событий 1939–1945 гг., авторы немецких учебников сосредотачивают свое внимание прежде всего на изменениях в политике и международных отношениях после Второй мировой войны. К примеру, в большинстве учебных книг подробно освещается история создания Организации Объединенных наций и принципы ее деятельности [143, с. 128-129; 186, с. 186-187]. Большинство составителей учебной литературы в Германии отмечают как один из итогов войны резкое увеличение авторитета и

влияния на международную политику Советского Союза, распространение коммунистических идей в мире и создание «зоны» стран «народной демократии», что явилось одной из предпосылок начала идеологического противостояния СССР и США. Освещение итогов войны прежде всего в политическом аспекте является общей чертой как учебников эпохи «холодной» войны, так и учебных книг единой Германии.

Специфической особенностью немецких учебников пяти последних десятилетий была концепция единоличной ответственности Гитлера за преступления против человечности и тезис о преступной по отношению к немецкому народу политике фюрера. Наиболее ярко это описано в учебнике «Политика и история XIX – XX вв.» [183]: «30 апреля в бункере Берлинской имперской канцелярии совершил самоубийство. Он оставлял немецкий народ, которому он обещал в 1933 г. новый подъем, один на один с самой большой катастрофой в истории. Поэтому немецкий народ и народы других стран с такой ненавистью относятся к гитлеровскому режиму и его преступлениям» [183, с. 139]. Учебник «История для гимназий Ольденбурга» в разделе об итогах войны содержит комментарий последствий гитлеровского режима: «... собственный народ пал жертвой войны, развязанной Гитлером». Подобную тенденцию национального «самооправдания» можно отметить во всех учебниках, изданных в Германии как в эпоху «холодной» войны, так и за последние два десятилетия.

«Заслуга» авторов немецких учебников и одновременно их яркая отличительная черта – большое внимание к истории Холокоста. В главе, посвященной событиям Второй мировой войны, в большинстве германских учебных книг в среднем до 11 % материала посвящено рассказу о Холокосте. Истребление евреев авторы немецких учебников считают одним из преступлений гитлеровского режима. Во всех учебниках вскрывается преступная и античеловечная сущность Холокоста. Во многих учебных книгах авторы включили рассказ о «жизни» в концентрационных лагерях.

Важнейшая особенность немецкой учебной литературы по истории –

европоцентризм в освещении событий Второй мировой войны. Авторы учебников освещают в основном ход войны на советско-германском и европейском театрах военных действий, при этом об участии Италии и Японии в войне рассказывают очень мало. В некоторых учебниках об участии союзников Германии в войне вообще не сказано ни слова [152, 163, 169].

Таким образом, на основе анализа содержания материала о Второй мировой войне в немецких учебных книгах можно сделать ряд выводов. Несмотря на признанный плюрализм в западной, и, в том числе, германской исторической науке, немецкие учебники не являются полем противоборства разных научных концепций и взглядов. В немецких учебных книгах, изданных как в эпоху «холодной» войны, так и за последние два десятилетия, не нашли своего отражения некоторые радикальные исторические концепции и положения: положение о превентивном характере нападения Гитлера на Советский Союз, концепция решающего вклада западных держав в победу над фашизмом. В Германии отсутствует единый учебный план для всех школ, однако все учебники ориентируются на единый концептуальный конструкт – инвариантные положения, характерные для всех учебников разных земель Германии. К ним можно отнести концепции объективных причин поражений немецкой армии под Москвой и во всей войне на советско-германском фронте, положение о важнейшей роли второго фронта в общем исходе Второй мировой войны, тезис о «поворотных пунктах» в ходе войны и, прежде всего, Сталинградской битвы как сражения, переломившего ход войны. Дискуссионными среди авторов немецких учебников являются концепции экспансионистской сущности политики Советского правительства в предвоенные годы и во время войны, взаимной ответственности СССР и Германии за развязывание войны и тезис о пакте о ненападении как катализаторе начала военных действий.

В целом, авторы немецких учебников по большинству научных проблем Второй мировой войны следуют в русле основных концепций западной историографии. Отличительной их особенностью можно считать концепцию

объективных причин поражений гитлеровских войск, положения о важнейшей роли второго фронта в войне и превалирующей роли советских войск в достижении победы над фашизмом. В последнем вопросе немецкие авторы школьной учебной литературы близки своим советским и российским коллегам.

В итоге можно сказать о том, что отражение парадигм исследования истории Второй мировой войны в немецкой учебной литературе своеобразно. В оценке роли фронтов в войне, вклада СССР и западных держав-союзников по антигитлеровской коалиции в победу и трактовке «поворотных пунктов» в ходе войны немецкие авторы занимают «срединную» позицию между противостоящими друг другу концепцией решающей роли западных держав в войне, признанной в зарубежной исторической науке, и концепцией определяющей роли СССР в войне, являющейся основой исследований большинства отечественных историков. И в этом проявляется их большая объективность.

2.3. Трактовки ключевых событий Второй мировой войны в отечественных учебниках

При анализе советских и современных российских учебников истории и сравнении их с западными первое, что обнаруживается – это произошедшие в нашей стране значительные изменения в характере отбора содержания и представления учебного материала в учебных пособиях за последние несколько десятилетий. Если сравнить зарубежные учебники, выпущенные 30 – 40 лет назад, и современные, то можно сделать вывод о том, что они довольно стереотипны по своей структуре и содержанию и мало изменились за последние десятилетия [136, с. 12].

Одной из основных причин больших изменений концептуального содержания отечественных учебных книг по истории является изменение парадигм развития исторической науки на рубеже 80-х – 90-х гг. прошлого

столетия. Немаловажной детерминантой концептуального изменения содержания отечественных учебников является также либерализация школьного исторического образования. В советское время в школьном образовании существовала единая программа и обязательный для всех школ единственный вариант учебника. В условиях авторитарного государства учебная книга могла отражать одну, признанную государственной властью, концепцию исторического развития. Некоторые исследователи говорят о «сверхидеологизации» учебников и всей системы школьного исторического образования советского периода [23, с. 28]. С начала 90-х гг. прошлого века появились вариативные программы и учебники по истории. Учитель в соответствии с федеральным законом «Об образовании» получил право на свободу выбора учебников и учебных пособий [125, с. 53]. Для авторов учебной литературы сегодня не существует каких-либо сверху концептуальных основ создания школьного учебника. Данный факт породил многообразие современных школьных учебников истории, написанных часто с разных, иногда с прямо противоположных идеологических и исторических позиций.

В отечественном школьном историческом образовании в отличие от зарубежного традиционно большее внимание уделяется изучению истории Второй мировой и Великой Отечественной войны. Результаты контент-анализа учебников советской эпохи свидетельствуют о том, что материал о самом крупном в истории военном противостоянии занимал в них важнейшее место. Среди исторических событий 1939–1945 гг. особое положение принадлежало данным о ходе войны на восточном фронте. Учебный материал по Великой Отечественной войне в школьных учебниках советского периода занимал 17,83% в общем объеме текста учебников по истории Отечества в XX в. События Второй мировой войны в курсе новейшей истории зарубежных стран изучались в значительно меньшем объеме – всего 5,5% среди всего объема советских учебников посвящено истории 1939–1945 гг. Следует отметить, что выделение во Второй мировой войне истории Великой Отечественной войны свойственно только отечественному школьному историческому образованию.

В начале 90-х гг. внимание к истории Великой Отечественной войны несколько возрастает – до 19,46% учебного времени по отечественной истории XX в. посвящается событиям 1941 – 1945 гг. Это связано прежде всего с переоценкой некоторых событий, а также с открытием значительного числа ранее неизвестных и умалчивавшихся страниц войны в российской историографии. Однако при этом отмечено некоторое уменьшение объема материала о Второй мировой войне в курсе новейшей истории зарубежных стран – до 4,86%. В учебниках отечественной истории XX в., вышедших в свет с середины 1990-х гг. и по настоящее время, материал о Второй мировой войне занимает в среднем 11,69% текста всего учебника. При этом следует отметить довольно большую корреляцию данной величины: в учебной книге А.А. Левандовского и Ю.А. Щетинова [63] всего 6,77% учебного материала посвящено событиям 1941 – 1945 гг.; учебник, написанный коллективом авторов под руководством В.П. Дмитренко [30], отводит на изложение истории Великой Отечественной войны до 20% текста; в учебном пособии И. Долуцкого [33] около 1/3 общего объема книги посвящено рассмотрению событий 1941 – 1945 гг. В курсе новейшей истории зарубежных стран можно отметить увеличение учебного времени, выделяемого на изучение истории Второй мировой войны – до 6,3%.

Тенденция уменьшения объема учебного материала по истории Великой Отечественной войны отмечена в статье Г.В. Клоковой [55, с. 38]. Одной из основных причин этого является введение в учебники целой главы по истории России после распада СССР. Добавление новых исторических фактов в школьный курс истории без увеличения количества учебных часов неминуемо сжимает объем материала о более ранней истории. Важнейшей причиной указанной тенденции является также специфика эпохи 90-х гг., которая характеризуется ломкой прежних устоев и традиций жизни общества, трудным поиском новых путей общественного развития, кризисом прежних ценностей и идеологических постулатов. В такое время в обществе возрастает интерес к политической истории, проблемным аспектам национального исторического

процесса, а также к анализу проблем современности. В этом случае закономерно уменьшение объема материала о внешней политике, истории войн, социальной истории, истории культуры и науки.

Жесткий контроль над исторической наукой и содержанием учебной литературы predetermined концептуальное единство школьных учебников истории, издававшихся до 1980-х гг. Большинство советских учебников много раз переиздавались – в некоторых случаях до 15 и более изданий [84]. Причем в новых редакциях чаще всего добавлялся лишь материал по современной истории, текст же большинства тем по более ранней истории оставался стереотипным.

Авторы всех советских учебников подчеркивали справедливый характер войны для СССР. «Советский Союз вел справедливую, освободительную ... войну» [82, с. 22] – данный тезис содержится во всех учебных книгах советского времени. В отношении Гитлера, военного командования фашистской Германии, Италии и милитаристской Японии часто употреблялись «ярлыки», такие как «разбойничий отряд мирового империализма» [81, с. 15], «фашистские агрессоры» [82, с. 21], «фашистские поработители» [53, с. 29] и т. п. Во всех учебниках истории СССР ярко описана жестокость немцев по отношению к населению на оккупированных территориях [39, с. 64-67; 53, с. 73-75].

Использование «ярлыков» не только в отношении государств-агрессоров, но и других участников войны является отличительной особенностью советских учебников. Характеризуя позицию и цели правительств Великобритании, США и Франции в предвоенный период и в годы войны, авторы советской учебной литературы часто именовали их «империалистической группировкой», «империалистами». Эмоциональные оценочные характеристики политики государств, «ярлыки» были неотъемлемой чертой любого советского учебника истории.

Большое внимание в учебниках советского периода уделено анализу причин войны. Все учебные книги, изданные до середины 1980-х гг.,

однозначно называли основной причиной войны противоречия империализма. «Вторая мировая война была порождена империализмом» [82, с. 15; 83, с. 15; 84, с. 15] – такой фразой открывалось повествование об истории Второй мировой войны в большинстве советских школьных учебников. Авторы всех учебников указывали две империалистические группировки, которые стремились к мировому господству: фашистско-милитаристскую в составе Германии, Италии, Японии и империалистическую группировку Великобритании, США, Франции. При этом СССР рассматривался как государство, ставшее преградой на пути к мировому господству империалистических блоков [82, с. 15; 83, с. 15; 84, с. 17].

Данные положения соответствуют научной концепции ответственности Великобритании, США и Франции наряду с государствами «оси зла» за начало войны. В русле этой концепции рассматривалась предвоенная политика ведущих западных держав и СССР. Авторы учебников 60 – 80-х гг. оценивали факт подписания 30 сентября 1938 г. Мюнхенских соглашений как одно из проявлений политики поощрения фашистской агрессии [83, с. 12-13; 84, с. 14] и как «позорное предательство интересов дружественной страны» [81, с. 12]. Политика Советского Союза, с другой стороны, оценивалась как исключительно миролюбивая, основной целью которой было недопущение войны. Все советские школьные учебники отмечают вынужденный характер подписания пакта Молотова-Риббентропа [81, с. 14; 84, с. 15]. О существовании секретных приложений к пакту в учебниках не упоминается.

Роль государств-союзников по антигитлеровской коалиции в войне во всех отечественных учебниках, изданных до середины 1980-х гг., рассматривается в русле концепции определяющего вклада Советского Союза в достижение победы над фашизмом. Авторы всех советских учебников считают основным восточный фронт. В связи с этим, на советско-германском театре военных действий выделяются события, определившие коренной перелом хода всей Второй мировой войны. Именно такая характеристика дана Сталинградской битве: «Победа под Сталинградом явилась началом коренного перелома в ходе

Второй мировой войны в пользу СССР и всей антифашистской коалиции» [82, с. 27; 83, с. 27]. В учебнике новейшей истории, изданном в 1969 г., Сталинградская битва определена как «поворотный момент» в ходе всей Второй мировой войны [103, с. 29].

Вместе с тем, во всех учебных книгах советского периода подчеркивается то факт, что открытие второго фронта в Европе не сыграло значительной роли в победном исходе войны. При этом в учебниках зарубежной истории акцент сделан на том, что второй фронт был открыт союзниками только после того, как завершился коренной перелом в войне [82, с. 32; 83, с. 32; 84, с. 34], и «только убедившись, что Советский Союз в состоянии собственными силами, без второго фронта, одержать полную победу над Германией, и опасаясь, что освобождение всей Европы советскими войсками даст народам возможность установить подлинно демократический строй...» [81, с. 37]. Авторы всех учебников по истории подчеркивают факт затягивания открытия второго фронта [81, с. 30; 83, с. 28; 82, с. 28; 84, с. 26-27].

Анализ итогов Второй мировой войны в советских учебниках также соответствует концепции определяющей роли Советского Союза в победе над фашизмом. В большинстве советских учебников содержится стереотипный вывод относительно вклада СССР в победу: «Решающую роль в достижении этой победы сыграл Советский Союз – основная сила антифашистской коалиции» [82, с. 38; 83, с. 38; 84, с. 41]. В доказательство данного тезиса авторы учебников приводят сравнительные статистические данные потерь Германии и ее союзников на восточном и западном театре военных действий: более 600 и 176 дивизий соответственно [53, с. 119; 82, с. 38; 83, с. 38] или $\frac{3}{4}$ потерь немецких вооруженных сил на в войне против СССР [82, с. 38; 83, с. 38; 84, с. 41]. При этом ни в одном советском учебнике не указаны сводные данные потерь советских вооруженных сил. Авторы советских учебных книг отмечают важнейшее следствие победы – резко возрос авторитет СССР на международной арене [53, с. 121; 81, с. 50]. В некоторых учебниках отмечается в качестве итога войны изменение соотношения сил на международной арене

«в пользу социализма и в ущерб капитализму» [82, с. 38; 83, с. 38], «в пользу социализма и прогресса, в ущерб империализму и реакции» [53, с.121]. В большинстве советских учебников авторы также подчеркивают основную роль в разгроме не только Германии, но и Японии.

Почти все советские учебники не содержат информации о поставках военной техники по закону о ленд-лизе. Среди проанализированных школьных книг всего в одной можно отметить упоминание ленд-лиза [81, с. 30]. Однако в этом учебнике, как и всех остальных советских учебных книгах, не содержится материал о масштабах и значении военной помощи Советскому Союзу. На основе вышеизложенного можно сделать вывод о том, что авторы всей советской учебной литературы разделяют концепцию решающего вклада СССР в победу над фашизмом, господствовавшую в советской исторической науке.

Рассмотрение сущности военного противостояния 1939–1945 гг. в учебных книгах, изданных до падения «железного занавеса», соответствует концепции противостояния идеологий и общественно-политических систем в войне. Однако данная концепция не заявлена открыто ни одним автором учебника. Но во всех учебных книгах в разделе о Второй мировой войне социалистический строй противопоставлен капитализму. В частности, это выражается в следующих суждениях: «основным противоречием, определявшим мировое развитие, оставалось противоречие между социализмом и капитализмом» [82, с. 15; 83, с. 15; 84, с. 17; 85, с. 10].

В советских учебных пособиях подробно анализируются цели держав в войне. При этом особо подчеркиваются «глубокие расхождения относительно целей войны и программы послевоенного переустройства мира» между участниками антифашистской коалиции [82, с. 24; 83, с. 24; 84, с. 26]. Согласно советским авторам учебной литературы различия заключались в том, что Советский Союз основными задачами видел в разгроме фашизма, освобождении поработанных народов, создании условий для прочного мира, а правящая элита союзников стремилась разгромить Германию и Японию как своих конкурентов и установить мировое господство. В некоторых учебниках

авторы отмечают противоречивый характер целей США и Великобритании – с одной стороны, стремление установить мировое господство, а с другой – «сохранить Германию и Японию как военную силу для борьбы против СССР» [82, с. 24-25; 83, с. 25; 84, с. 26].

Политика Германии во всех советских учебниках рассматривается как империалистическая, несправедливая, захватническая от начала до конца [81, с. 16; 82, с. 16; 83, с. 16; 84, с. 17]. Характер войны со стороны Англии и Франции определяется авторами отечественных учебников, изданных до середины 1980-х гг., также как империалистический. Однако при этом особо подчеркивается, что в 1940 – 1941 гг. шел процесс превращения войны с их стороны в справедливую, освободительную под давлением народных масс [81, с. 16; 82, с. 20; 83, с. 20]. В некоторых учебниках особо подчеркивается, что решающим фактором, завершившим это процесс, явилось вступление в войну Советского Союза, преследовавшего только освободительные цели [81, с. 16; 82, с. 22].

Освещение роли СССР в войне в «мессианском» духе наиболее характерно для отечественных учебников второй половины 60-х–70-х гг. В значительной степени это связано с идеологическим противостоянием на международной арене. Важным фактором, определявшим содержание школьных учебников в СССР, была также общественно-политическая ситуация в стране. 60-е – 70-е гг. – период «активного строительства коммунизма», веры в новые горизонты и осмысления «исключительности» советского строя. С началом 80-х гг. в СССР обнаруживаются предпосылки кризиса общественно-политического строя и экономической системы страны, что влечет за собой начало рефлексии прошлого, предполагающей более объективное изучение истории без излишних «дифирамбов».

В школьных учебниках советской эпохи важнейшее место занимала проблема роли Коммунистической партии в организации победы над врагом в Великой Отечественной войне. Во всех советских учебных книгах по отечественной истории партия рассматривается как «вдохновитель и организатор победы» [39, с. 107; 53, с. 119]. Анализу роли Коммунистической

партии в учебниках отечественной истории, изданных до распада СССР, посвящен целый раздел параграфа. Таким образом, освещение роли КПСС в учебных книгах советской эпохи целиком соответствует научной концепции исключительной роли партии как организатора и вдохновителя победы советского народа над фашистской Германией. Следует отметить, что в данном вопросе отечественные учебники до конца 1980-х гг. проявляли определенный консерватизм, не допуская корреляций в его освещении.

Важнейшим вопросом, анализ которого завершает изучение Второй мировой войны в отечественных школах, в советских учебниках являлся вопрос об источниках победы. Основным источником победы авторы всех советских учебников называют военные и трудовые подвиги народа [39, с. 106-107; 53, с. 117]. Среди других источников победы во всех советских учебниках упоминаются «преимущества социалистического строя», «нерушимый союз рабочего класса и крестьянства», а также большая жизнеспособность советской экономики в сравнении с капиталистическими экономическими системами.

Авторы всех школьных учебников, изданных после середины 50-х гг., избегают подробного анализа деятельности И.В. Сталина на посту Верховного главнокомандующего. При этом можно отметить отсутствие как «дифирамбов» вождю, так и жесткой критики его решений. Концептуальная динамика советской историографии по вопросу о роли И.В. Сталина в войне практически не нашла отражения в учебных книгах. Ни один автор советского учебника не высказывает аргументы в пользу концепции выдающейся роли полководческого таланта и личных качеств И. В. Сталина в победе над фашизмом. Однако ни в одном учебнике не приводятся данные в защиту концепции единоличной ответственности Верховного главнокомандующего за поражения в первый период войны. Вопрос о причинах неудач в советской армии в приграничных сражениях подробно освещается в пособиях по отечественной истории. В учебниках отмечены следующие причины: неблагоприятная международная обстановка, вызванная попустительством западных держав в отношении агрессивных планов Гитлера [53, с. 36],

численное превосходство немецких войск [53, с. 36], трехкратное, а на некоторых участках и пятикратное над численностью советских войск [39, с. 32], фактор внезапности, следствие которого – неподготовленность советской армии к отражению агрессии [39, с. 32-33; 53, с. 37;]. Таким образом, во всех советских учебниках отечественной истории закрепились концепция объективных факторов как основных причин поражений Красной армии в начальных период войны. Причем, изменяясь в доперестроечной историографии, данная концепция не претерпела изменений в содержании школьного исторического образования советского периода.

Концепция активной обороны, популярная в советской исторической науке до середины 1950-х гг., в учебниках открыто не заявлена, однако большинство авторов учебных пособий отмечают, что из-за действий советской армии в начальный период войны расчеты Гитлера на легкую победу потерпели провал. Фашистские войска потеряли значительное число солдат и вооружения из-за активных действий Красной Армии при отступлении. Однако в отличие от теории активной обороны, представленный в учебниках материал о начальном этапе войны не содержит упоминания о том, что активные действия советской армии не были спланированными. Таким образом, на фоне концептуальной динамики в исторической науке по вопросу о роли И.В. Сталина в войне и причин поражения Красной Армии в начальный период войны советские учебники проявляли консерватизм и статичность.

Во всех советских учебниках новейшей истории в разделе о Второй мировой войне преобладают рассказы о героических подвигах солдат Красной Армии. При этом трагические для СССР страницы истории войны практически не получили отражения в учебных книгах, изданных до середины 1980-х гг. Некоторые факты преувеличивались и искажались. К примеру, в советских учебниках ярко описывались героические подвиги партизан, среди которых – Зоя Космодемьянская. Согласно современной исторической науке, партизанка стала заложницей приказа И.В. Сталина № 428 от 7 ноября 1941 г. о необходимости уничтожения всех населенных пунктов в тылу немецких войск

на расстоянии 40-60 км. в глубину от переднего края и на 20-30 км. вправо от дорог. Приказ Верховного Главнокомандующего были обязаны исполнять в том числе и партизаны. Поэтому далеко не все жители села, в котором действовал партизанский отряд З. Космодемьянской, сочувствовали партизанке. Жители сообщили немцам о местонахождении З. Космодемьянской [123, с. 32-33]. Кроме того, при освещении крупнейших сражений на восточном фронте, особенно начального периода войны, в советских учебниках часто преувеличивалась численность немецких войск и военной техники [123, с. 29-30]. Все эти факты позволяют сказать об устойчивой тенденции героизации и мифологизации истории в советских школьных учебниках.

С началом перестройки и политики гласности историческая наука начинает освобождаться от идеологических рамок советской эпохи. Однако учебная литература не сразу воспринимает новейшие научные разработки того времени. Ни в одном учебнике второй половины 80-х гг. прошлого века не приведены материалы о научных дискуссиях того времени.

Одним из изменений содержания учебной литературы по истории в эпоху перестройки стало избавление от «ярлыков», которыми изобиловали советские учебники. Прежде всего, это касается «ярлыков» в отношении государств-союзников по антигитлеровской коалиции. С дальнейшим переизданием учебных книг авторы «уходили» от использования эмоциональных оценок Германии, Италии и Японии.

Учебники зарубежной новейшей истории, изданные в годы перестройки, копируют «под кальку» структуру и содержание более ранних советских учебников, включая и ключевые концептуальные положения [85; 94]. В учебниках отечественной истории заметна определенная динамика: во-первых, среди причин поражений советских вооруженных сил в начальный период войны некоторые авторы называют просчеты И.В. Сталина и, прежде всего, его вера в незыблемость пакта о ненападении [54, с. 13-14], а также массовые репрессии, затронувшие командный состав армии [54, с. 12], во-вторых, уменьшилось количество «дифирамбов» коммунистической партии и ее роли в

войне [39; 54]. В остальном концептуальное содержание перестроечных учебников истории СССР соответствует учебным книгам, изданным ранее.

К середине 1990-х гг. в школьном историческом образовании значительно увеличилось число используемых в преподавании учебников. Это связано с отменой единого, обязательного для всех школ учебника и законодательным закреплением права учителя на выбор учебной литературы [125, с. 53]. Немаловажной причиной, обусловившей увеличение числа издаваемых учебников, стал переход системы школьного исторического образования на концентрический вариант построения учебных программ в 1993 г. Существовавшие на тот момент учебные пособия были рассчитаны на преподавание истории по линейной схеме. Данный факт подталкивал авторов учебников к пересмотру содержания старых и созданию новых учебных книг по истории.

В учебниках, изданных с начала 1990-х гг., пересмотрены многие концепции Второй мировой войны, популярные в советских учебных книгах. И прежде всего это касается оценок предвоенной политики ведущих мировых держав и начального этапа войны. В большинстве российских учебников приведены материалы о сущности пакта о ненападении, а также о содержании секретных приложений к нему. Однако оценка договора 23 августа 1939 г. и секретных приложений довольно противоречива. Учебники 1990-х гг. отмечают тот факт, что действия Германии в сентябре 1939 г. в отношении Польши были в немалой степени обусловлены содержанием секретных приложений к пакту. Все учебники отмечают вступление советских войск в Западную Белоруссию и Украину, принадлежавшие Польше, также согласно секретным договоренностям 23 августа 1939 г. [27, с. 203-204; 60, с. 162; 86, с. 73; 93, с. 225]. Только в одном учебнике его автор А.А. Кредер отмечает связь между заключением пакта о ненападении и секретных приложений к нему и началом Второй мировой войны: «... Сталин ... превратил СССР в соучастника очередной перекройки карты Восточной Европы. Непосредственным итогом подписания этих документов стало принятие Гитлером окончательного

решения напасть на Польшу» [60, с. 156-157]. Таким образом, заимствованная у западной историографии российскими историками радикального направления концепция взаимной ответственности Германии и СССР за развязывание войны в отечественных учебниках не нашла поддержки. Только в одной из учебных книг высказан аргумент в поддержку данной концепции [60]. Следует отметить, что первое издание учебника А.А. Кредера было осуществлено при поддержке фонда «Открытая Россия», финансируемого Дж. Соросом.

Во всех учебных книгах, изданных после 2000 г., также содержится материал о содержании пакта о ненападении и секретных приложений к нему. Однако его оценки однозначны: подписание пакта и секретных приложений явилось для СССР неизбежным шагом и дало возможность Советскому Союзу выиграть время, а также избежать войны на два фронта [4, с. 177; 18, с. 185; 43, с. 146; 44, с. 174]. В некоторых учебниках приводятся данные о разных взглядах ученых на проблему целей заключения и сущности советско-германского договора 23 августа 1939 г., однако акцент сделан на вынужденном и необходимом для СССР характере его подписания [45, с. 210-211; 116, с. 140; 117, с. 150]. Ни в одном современном учебнике истории не высказан тезис о связи между заключением пакта о ненападении и началом Второй мировой войны.

Оценки Мюнхенских соглашений в отечественных учебниках 1990-х–2000-х гг. в сравнении с советскими более сдержанны. Во-первых, ни в одном постсоветском учебнике не используются эпитеты «сговор», «предательство интересов мира» в отношении Мюнхенских соглашений. Во-вторых, переговоры в Мюнхене авторы отечественных учебников 1990-х гг. оценивают как одно из проявлений политики умиротворения [27, с. 191; 60, с. 150]. В учебниках 2000-х гг. оценка Мюнхенских договоренностей более противоречива. Многие авторы учебников рассматривают их в русле концепции умиротворения [4, с. 175-176; 43, с. 143-144; 115, с. 146]. В некоторых учебниках подчеркивается вынужденный характер заключения соглашений западных держав с Германией 1938 г. [43, с. 143; 45, с. 205-206]. С

другой стороны, часть современных учебных книг в оценке Мюнхенских соглашений возвращается к советским концептуальным положениям. Учебники О.С. Сороко-Цюпы и А.О. Сороко-Цюпы рассматривают «Мюнхенский сговор» как «синоним предательства со стороны Англии и Франции, [116, с. 139; 117, с. 148]. В другом учебнике О.С. Сороко-Цюпы, написанном в соавторстве с В.П. Смирновым и А.И. Строгановым, последовательно проводится мысль о том, что важнейшая цель Мюнхенских соглашений – «направить германскую экспансию на Восток» [115, с. 146].

Таким образом, в оценке предвоенной политики западных держав отечественные учебники, изданные после крушения «железного занавеса», не разделяют концепции взаимной ответственности Германии и западных капиталистических государств за развязывание войны. Данный факт подтверждается также тем, что авторы российских учебников отказались от трактовки причин войны как противоречий империализма и борьбы империалистических государств за мировое господство. С другой стороны, среди авторов российских учебных книг не находит поддержки концепция ответственности Советского Союза наряду с фашистской Германией за начало войны, выдвинутая радикальным крылом отечественной исторической науки. Исключение составляет учебник А.А. Кредера, в котором автор отмечает важнейшее следствие заключения пакта о ненападении – принятие Гитлером решения о нападении на Польшу, что явилось прологом к войне [60, с. 157]. Однако ни один автор российского учебника не поддерживает тезис о превентивном характере нападения Гитлеровской Германии на СССР. Более того, в некоторых учебниках данное концептуальное положение подвергается критике [43, с. 152-153; 45, с. 220].

Важнейшее изменение концептуального содержания отечественных учебников последних 20 лет – отказ от концепции важнейшей роли КПСС как организатора и вдохновителя победы над врагом. Ни один российский учебник не отмечает специально роль коммунистов на фронте, не анализирует сущность и значимость политической пропаганды в войсках.

Вопрос о роли И.В. Сталина в войне в отечественных учебниках посткоммунистической эпохи освещается в рамках концепции личной ответственности вождя за трагические поражения в начальный период войны. Большинство авторов учебных книг по истории отмечают просчеты Верховного Главнокомандующего, его недоверие к донесениям разведки о точной дате нападения [63, с. 268; 93, с. 232;], а также массовые сталинские «чистки» командующего состава армии, нанесшие серьезный урон боеспособности [63, с. 267; 93, с. 229]. В учебниках последнего десятилетия трактовка причин поражений советской армии на начальном этапе войны практически не изменилась [26, с. 7; 43, с. 153-154; 44, с. 183-184; 115, с. 172; 118, с. 144; 119, с. 154]. Однако некоторые авторы учебных книг основной причиной неудачного для советских войск исхода первых месяцев войны объясняют прежде всего фактором внезапности [18, с. 191]. Ни в одном учебнике не приводятся аргументы в пользу концепции ответственности военного руководства страны за поражения на начальном этапе, выдвинутой в российской науке А.Н. Мерцаловым и Л.А. Мерцаловой.

Отечественные учебники постсоветской эпохи отказались от концепции сущности противостояния в войне как противоборства идеологий и общественно-политических систем. Ни один автор российского учебника не противопоставляет коммунистический и капиталистический общественно-политический строй.

В большинстве российских учебных пособий по истории акцентируется внимание на деятельности антигитлеровской коалиции, важнейших конференциях с участием высшего руководства СССР союзников [27, с. 217-218; 60, с. 174; 93, с. 240]. При этом подчеркивается важное значение «объединения усилий всех миролюбивых сил» [27, с. 218]. В учебниках 90-х гг. дается высокая оценка роли поставок по ленд-лизу в победном исходе войны на восточном театре военных действий [27, с. 216; 60, с. 175; 93, с. 241]. Однако «хвалебные» оценки роли ленд-лиза для советской армии в учебниках последних лет несколько изменились. Авторы многих российских учебников

2000-х гг. отмечают нерегулярный характер поставок, а также их незначительный объем [45, с. 243; 137, с. 232]. Некоторые современные учебные книги не упоминают вообще факты помощи СССР по ленд-лизу [26; 87; 116]. В учебнике авторского коллектива под руководством Л.Н. Алексашкиной ленд-лиз трактуется как «средство политического давления на союзные страны» со стороны США [4, с. 188].

В оценке роли восточного и западного театра военных действий большинство авторов российских учебников не противоречат советским, отмечая особую значимость событий на советско-германском фронте [4, с. 182; 18, с. 219; 44, с. 220; 45, с. 263; 63, с. 290; 86, с. 80; 116, с. 156; 117, с. 166;]. В соответствии с этим тезисом коренной перелом во Второй мировой войне локализуется событиями конца 1942 – 1943 гг. на восточном фронте. Однако в некоторых учебных книгах, в большинстве случаев изданных в 1990-е гг., подчеркивают тот факт, что коренной перелом состоялся в том числе и благодаря действию союзных войск (сражение у атолла Мидуэй, контрнаступление английских войск в Северной Африке в 1942 г., военные действия в Атлантике) [60, с. 176-178; 86, с.81-84; 93, с. 255-256; 115, с. 176].

Высокая оценка роли восточного фронта в войне обнаруживается также при проведении контент-анализа учебников, направленного на расчет соотношения материала о событиях на восточном фронте и других театрах военных действий в разделе о событиях 1939–1945 гг. Следует отметить, что особенностью школьного курса истории в России является его разделение на две учебные дисциплины – отечественную и всеобщую историю. В связи с этим в качестве источниковой базы необходимо предусмотреть равное количество учебников по отечественной и всеобщей истории. По данным контент-анализа, в учебниках 1990-х гг. 63 % объема раздела о Второй мировой войне посвящается событиям Великой Отечественной войны. В учебных книгах последнего десятилетия соотношение еще более увеличивается в пользу материала о событиях на советско-германском фронте – до 71 %.

Освещение итогов войны в российских учебниках соответствует концепции решающего вклада СССР в победу над фашизмом. Данное концептуальное положение не претерпело изменений в учебниках последних 20 лет в сравнении с советскими книгами [18, с. 219; 26, с. 39; 27, с. 249; 43, с. 165; 44, с. 220; 45, с. 263; 63, с. 290; 115, с. 189; 117, с. 166; 116, с. 156; 137, с. 228;]. Вместе с тем, в отличие от советских учебников, в некоторых российских учебных книгах подчеркивается общий вклад всех держав антигитлеровской коалиции в победу над фашизмом [116, с. 156; 117, с. 166].

Анализ отечественных учебников, изданных в 1990-е – 2000-е гг., дает основание сделать вывод о том, что в содержании школьного исторического образования не нашла отражения ни одна концепция радикального направления отечественной исторической науки (концепция взаимной ответственности Германии, Италии, Японии и СССР за начало войны, концепция противоборства тоталитарных систем в войне).

Особенностью как советских, так и современных российских учебников является отсутствие материала о сущности и истории Холокоста. «Государственный антисемитизм» советской эпохи predetermined «пренебрежение» к данной теме в советских учебных книгах. Однако авторы современных учебников историю Холокоста также «обходят стороной», несмотря на то, что эта тема стала довольно популярной в современной науке.

Исследование содержания материала о Второй мировой войне в отечественных школьных учебниках позволяет выявить ряд тенденций и закономерностей. Советские учебники отражали одну, принятую в исторической науке, точку зрения на события 1939–1945 гг. Особенностью учебников советской эпохи было самооправдание истории, выразившиеся в концепциях ответственности западных демократических держав за допущение и попустительство в отношении фашистской агрессии, концепции определяющей роли СССР в победе над фашизмом, теории внезапности нападения как основной причины поражений Советской Армии в начальный период войны, тезиса о сложной международной обстановке, вынудившей

советское правительство заключить пакт о ненападении. Одной из характерных особенностей содержания материала о Второй мировой войне в советских учебниках явилась тенденция мифологизации и героизации истории.

Все авторы советских учебников подчеркивали определяющую роль советско-германского фронта и решающий вклад СССР в победу. В связи с этим они выделяли основные ключевые события войны на восточном театре военных действий.

С начала 1990-х гг. в отечественных учебниках повысился интерес к событиям на западном театре военных действий. Более объективной стала оценка роли второго фронта и значения ленд-лиза. Российские учебники избавились от «дифирамбов» вождю и Коммунистической партии.

Однако в условиях плюрализма 1990-х – 2000-х гг. авторы большинства отечественных школьных учебников проявляли определенный консерватизм в отборе и отражении концепций войны. В частности, это выразилось в том, что в содержании школьного исторического образования не нашлось места концепциям радикального крыла отечественной исторической науки. Однако, учебники 1990-х гг. более критичны в отношении российской истории. В последнее десятилетие можно констатировать возвращение популярности некоторых концепций советской историографии в современных школьных учебниках истории.

Последнее десятилетие XX в. – период в своей сущности революционный, начавшийся с радикальных преобразований начала 90-х гг. Как и любой революционный период, он строит «новое» на основе отрицания «старого», что предполагает девальвацию прежних ценностей и критику «дореволюционной» истории. В последние годы в современных учебниках намечается тенденция возвращения интереса к истории Великой Отечественной войны и концепциям советской исторической науки. Данный факт свидетельствует о начале «эпохи синтеза» прежних и новых ценностей, исторического наследия и революционных конструктов, что типично для постреволюционной эпохи.

Однако, несмотря на изменения отдельных концепций Второй мировой войны в отечественных учебниках во второй половине 1980-х – 1990-х гг., парадигмы остались неизменны. Прежде всего, это связано с тем, что в исторической науке смены парадигм также не произошло. И до начала перестройки, и во второй половине 1980-х гг., и в последние два десятилетия во всех отечественных учебниках история Второй мировой и Великой Отечественной войны представлена с этноцентричных позиций.

Заключение

Проведенный анализ основных концепций зарубежной и отечественной исторической науки позволил определить сущность противостояния западных и советской научных школ, исследовавших историю 1939–1945 гг. – противоречия парадигм Второй мировой войны. Зарубежные историки в исследовании Второй мировой войны противоречили советским по большинству вопросов. С окончанием эпохи холодной войны отечественная наука избавилась от «пут идеологии» и «антибуржуазной» направленности. Многие отечественные историки признали роль ленд-лиза, более высоко стали оценивать роль второго фронта. В зарубежной историографии основная часть историков двух последних десятилетий также более высоко стала оценивать роль СССР в войне. Однако это не привело к сближению зарубежной и отечественной историографии событий 1939-1945 гг., поскольку парадигмы исследования не изменились. В настоящее время и зарубежная, и отечественная историография войны представляет собой целый комплекс разных, зачастую противоречащих подходов, оценок, концепций.

Не все рассмотренные концепции войны могут быть отражены в содержании учебников. Целый ряд педагогических закономерностей ограничивают функционирование исторических концепций Второй мировой войны на уровне такого субъекта содержания образования, как школьный учебник: психофизические и умственные возможности учащихся, принцип доступности, лимит учебного времени. Кроме того, специфику содержания материала о Второй мировой войне в школьных учебных книгах определяли и определяют идеологические и внешнеполитические факторы.

Противоречия трактовок ключевых событий в науке приводят к противоречиям в содержании школьных учебных книг. Отечественные и зарубежные учебники, изданные как в эпоху «холодной» войны, так и за последние два десятилетия, отличаются противоречия в трактовках событий

Второй мировой войны, поскольку их содержание основано на противостоящих друг другу парадигмах западной и отечественной науки. Анализ динамики содержания зарубежных и российских школьных учебных книг не позволяет говорить об их сближении. Содержание материала о Второй мировой войне в отечественных, английских и американских учебных книгах «отягощено» этноцентризмом, который выражается в выделении особой роли в войне государства, в котором издан учебник, в локализации поворотных пунктов и ключевых событий войны, в которых участвовали «свои» войска. Создатели немецких школьных учебников более объективны. Их авторы не отрицают ответственности Германии, Италии и Японии за начало войны.

Инвариантными положениями для отечественных и зарубежных учебников, изданных как в эпоху «холодной» войны, так и за последние два десятилетия, были только концепции ответственности Гитлера и его союзников за развязывание войны, а также положение об освободительном характере войны для держав-союзников по антигитлеровской коалиции. После окончания эпохи идеологического противостояния двух «полюсов» мира количество инвариантных положений в них не увеличилось. В связи с этим говорить о сближении содержания материала о Второй мировой войне в школьных учебниках России и стран Запада пока не представляется возможным.

Противоречия в парадигмах и концепциях содержания материала в зарубежных и отечественных учебниках можно считать основной причиной, из-за которой все попытки создания единого учебника истории для всех школ Европы не приводили к успеху. С уверенностью можно сказать, что все последующие попытки создания такого учебника также не будут успешны, если не будут преодолены противоречия в научных парадигмах и концепциях важнейших исторических событий.

В настоящее время можно обозначить несколько направлений конструктивного диалога отечественных и зарубежных учёных при конструировании содержания школьных учебников. Прежде всего, это согласование позиций по вопросам крупнейших мировых событий, в которых

Россия и страны Запада находились «по одну сторону баррикад». К примеру, в отношении Второй мировой войны это история антигитлеровской коалиции, освобождение Европы и т. д. Кроме того, диалог возможен по вопросам согласования оценок роли государств в войне, значения фронтов, трактовок крупнейших сражений войны на основе статистических данных без «ярлыков» и радикализма в оценках.

Литература

1. Адик, К. Модель дидактического структурирования глобального образования (перевод Н.А. Белканова). [Текст] / К. Адик // Вестник Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина. – Вып. 7: Серия «Педагогика». – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2005. – С. 78
2. Алексашкина, Л.Н. История Второй мировой войны в школьных учебниках (дидактические аспекты). [Текст] / Л.Н. Алексашкина // Преподавание истории и обществознания в школе. – 2001. – №1. – С.30
3. Алексашкина, Л.Н. Методологические основы школьного курса истории. [Текст] / Л.Н. Алексашкина: дисс. ... докт. пед. наук. – М., 1999
4. Алексашкина, Л.Н. Россия и мир в XX веке: учеб. для 11 кл. общеобразоват. учреждений. [Текст] / Л.Н. Алексашкина, А.А. Данилов, Л.Г. Косулина. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 2006
5. Алексашкина, Л.Н. Школьные учебники истории: тенденции и перспективы. [Текст] / Л.Н. Алексашкина // Преподавание истории и обществознания в школе. – 2001. – №10. – С. 28
6. Альтман, И. Холокост и еврейское сопротивление на оккупированной территории СССР. [Электронный ресурс] / И. Альтман // http://jhistory.nfurman.com/shoa/hfond_103.htm
7. Бацын, В.К. Возможен ли общеевропейский школьный учебник истории? [Электронный ресурс] / В.К. Бацын // <http://upr.1september.ru/2001/10/1.htm>
8. Безыменский, Л.А. Восприятие Холокоста в Советском Союзе. [Текст] / Л.А. Безыменский // Россия и современный мир. – 2002. – №5. – С. 15
9. Белканов, Н.А. Советская школа и педагогика 1920-х годов в призме педагогической советологии: Монография [Текст] / Н.А. Белканов. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, Волгоград: ВГПУ, 2002

10. Беспалько, В.П. Теория учебника: дидактический аспект. [Текст] / В.П. Беспалько. – М.: Педагогика, 1988
11. Бондарев, М. Ориентация на результат: Обучение детей становится сложнее и многограннее. [Текст] / М. Бондарев // <http://www.ug.ru/issues/?action=topic&toid=1545>
12. Бородина, О.И. Россия на рубеже двух эпох (Современный подход к преподаванию истории). [Текст] / О.И. Бородина. – М.: О-во «Знание» Российской Федерации, 1992
13. Бурджалов, Э.Н. Великая Отечественная война Советского Союза. [Текст] / Э.Н. Бурджалов. – М.: АН СССР, 1953
14. Вендровская, Р.Б. Очерки истории советской дидактики [Текст] / Р.Б. Вендровская. – М.: Педагогика, 1982
15. Вендровская, Р.Б. Проблема «наука – учебный предмет» в советской дидактике. [Текст] / Р.Б. Вендровская // Советская педагогика. – 1985. – №7. – С. 96
16. Виданов, Ф.А. Вопросы теории учебного предмета [Текст] / Ф.А. Виданов // Советская педагогика. – 1970. – №1. – С. 101
17. Видякова, З.В. Становление русской школы в теории и практике с древнейших времен до октября 1917 г. : диссертация ... доктора педагогических наук : 13.00.01 [Текст] / З.В. Видякова. – Липецк, 2001
18. Волобуев, О.В. и др. История России. XX век: Учеб. для 9 кл. общеобразоват. учебных заведений. [Текст] / О.В. Волобуев. – М.: Дрофа, 2001
19. Володина, Т.А. История в американской школе: проблемы исторической науки и национального самосознания. [Текст] / Т.А. Володина // Преподавание истории в школе. – 2002. – №6. – С. 64
20. Вторая мировая война: Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований: Сб. ст. [Текст] / Под ред. В. Михалки; Пер. с нем. Захарченко Н.А. и др.; Предисл. В. Рана. — М.: Весь мир, 1999

21. Вульфсон, Б.Л., Малькова, З.А. Сравнительная педагогика: Учебное пособие для пединститутов, университетов [Текст] / Б.Л. Вульфсон, З.А. Малькова. – Воронеж: НПО Модэк, 1996
22. Вяземский, Е.Е., Стрелова О.Ю. Теория и методика преподавания истории: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений. [Текст] / Е.Е. Вяземский, О.Ю. Стрелова. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003
23. Вяземский, Е.Е., Стрелова, О.Ю. Методика преподавания истории в школе: Практ. пособие. [Текст] / Е.Е. Вяземский, О.Ю. Стрелова. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999
24. Голубева, Л.Н. Словарь философских терминов [Текст] / Л.Н. Голубева. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2001
25. Горбачев, М.С. Избранные речи и статьи. [Текст] / М.С. Горбачев. – М.: Прогресс, 1985
26. Данилов, А.А. История государства и народов России XX век. В 2 ч. Ч. 2: Учеб. для 9 кл. общеобразоват. учреждений. [Текст] / А.А. Данилов, Л.Г. Косулина. – 5-е изд., перераб. – М.: Дрофа, 2005
27. Данилов, А.А., Косулина, Л.Г. История России, XX век: Учеб. пособие для 9 кл. общеобразоват. учреждений. [Текст] / А.А. Данилов, Л.Г. Косулина. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 1996
28. Джурицкий, А.Н. Зарубежная школа: современное состояние и тенденции развития: Учеб. пособие для пединститутов [Текст] / А.Н. Джурицкий. – М.: Просвещение, 1993
29. Джурицкий, А.Н. История педагогики: Учебное пособие для вузов [Текст] / А.Н. Джурицкий. – М.: Владос, 1999
30. Дмитренко, В.П. История Отечества : XX в. : : 11 кл. : Пособие для общеобразоват. учеб. заведений. [Текст] / В.П. Дмитренко. – М.: Дрофа, 1999

31. Долженко, О.В. Социокультурные предпосылки становления новой парадигмы высшего образования» [Текст] / О. Долженко // Alma Mater (Вестник высшей школы). – 2000. – № 10
32. Долженко, О.В. Очерки философии образования. [Текст] / О.В. Долженко. – М., 1996
33. Долуцкий, И. Отечественная история. XX век : Учеб. для 10-11 кл. общеобразоват. учреждений : В 2 ч. [Текст] / И. Долуцкий. – М.: Мнемозина, 2001
34. Донской, Г.М. Типологические свойства современного учебника. [Текст] / Г.М. Донской // Проблемы школьного учебника: Сб. ст. Вып. 15. Типология школьных учебников. – М.: Просвещение, 1985. – С. 70
35. Донской Г.М. «Целый мир уложить на странице...»: Учебник истории – от замысла до издания и дальше...: Кн. для учителя: Из опыта работы [Текст] / Г.М. Донской. – М.: Просвещение, 1992
36. Дьюкс, П. История в современном мире. [Текст] / П. Дьюкс // Вопросы истории. – 1989. - №9. – С. 176
37. Дэвис, Н. Война, которую выиграли не мы, а русские. [Электронный ресурс] / Н. Дэвис // <http://www.inosmi.ru/stories/05/04/14/3445/230922.html>
38. Д'Эстен предложил создать единый текст о Второй мировой войне. [Электронный ресурс] // <http://www.utro.ru/news/2005/01/27/401238.shtml>
39. Есаков, В.Д. и др. История СССР: Учеб. для 10 класса сред. шк. [Текст] / В.Д. Есаков. – М.: Просвещение, 1988
40. Есаков, В.Д., Кукушкин, Ю.С., Ненароков А.П. История СССР: Учебник для 10 кл. средней школы. [Текст] / В.Д. Есаков, Ю.С. Кукушкин, А.П. Ненароков. – 2-е изд. / Под ред. Ю.С. Кукушкина. – М.: Просвещение, 1986
41. Жилин, П.А. Актуальные проблемы исследования Великой Отечественной войны. [Текст] / П.А. Жилин // Историография Великой Отечественной войны: Сб. ст. – М.: Издательство «Наука», 1980. – С. 9

42. Жуковский, С.Т., Жуковская, И.Г. Россия в истории мировой цивилизации. IX – XX вв.: Учеб. пособие для средних специальных и общеобразовательных учреждений. [Текст] / С.Т. Жуковский, И.Г. Жуковская. – М.: Школьная Пресса, 2000.
43. Загладин, Н.В. Всемирная история: XX век: 11 класс. [Текст] / Н.В. Загладин. – 4-е изд. – М.: ООО «ТИД «Русское слово – РС», 2002
44. Загладин, Н.В., Минаков, С.Т., Козленко, С.И., Петров, Ю.А. История Отечества. XX век: Учебник для 9 класса основной школы. [Текст] / Н.В. Загладин, С.Т. Минаков, С.И. Козленко, Ю.А. Петров. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ООО «Торгово-издательский дом «Русское слово – РС», 2003
45. Загладин, Н.В., Минаков, С.Т., Козленко, С.И., Петров, Ю.А. История Отечества. XX – начало XXI века: Учебник для 11 класса средних общеобразовательных учебных заведений. [Текст] / Н.В. Загладин, С.Т. Минаков, С.И. Козленко, Ю.А. Петров. – 2-е изд. – М.: «ТИД «Русское слово – РС», 2004
46. Замостьянов, А. Изменчивая Клио (Предназначение учебника истории: дискуссия продолжается). [Текст] / А. Замостьянов // Народное образование. – 2004. – № 6. – С. 220
47. Золотарев, В.А. Проблемы изучения истории Великой Отечественной войны. [Текст] / В.А. Золотарев // Новая и новейшая история. – 2000. – № 3. – С. 3
48. Зубкова, И.А. Концептуальные основы методики преподавания истории в школах Великобритании: дисс. ... канд пед. наук. [Текст] / И.А. Зубкова. – Екатеринбург, 2002
49. Зуев Д.Д. Об усилении идейно-политической направленности учебно-педагогической литературы [Текст] / Д.Д. Зуев // Проблемы школьного учебника. Сб. ст. Вып. 13. Материалы VII встречи представителей учебно-педагогических издательств социалистических стран. Москва, май 1982 / Под ред. Д. Д. Зуева. – М.: Просвещение, 1983. – С. 8

50. Зуев Д.Д. Школьный учебник. [Текст] / Д.Д. Зуев. – М.: Педагогика, 1983
51. Идеологическая борьба по основным проблемам истории Второй мировой войны (критика буржуазной историографии): Научно-аналитический обзор. [Текст]. – М.: АН СССР, 1986
52. Историография истории СССР (эпоха социализма): Учебник. [Текст] / Под ред. И.И. Минца. – М.: Высш. школа, 1982
53. История СССР (1938 – 1978 гг.): Учеб. для 10 кл. ср. шк. [Текст] / В.М. Балев, И.Б. Берхин, М.П. Ким, П.И. Потемкин; Под ред. П.И. Потемкина. – М.: Просвещение, 1982
54. История СССР: Учеб. для 11 кл. сред. шк. [Текст] / В.П. Островский, В.И. Старцев, Б.А. Старков, Г.М. Смирнов. – М.: Просвещение, 1990
55. Клокова, Г.В. Российские учебники истории о Великой Отечественной войне. [Текст] / Г.В. Клокова // Преподавание истории и обществознания в школе. – 2001. – №1. – С. 38
56. Концепция преподавания новейшей отечественной истории XX века // Настольная книга учителя истории. [Текст] / Сост. Т.И. Тюляева. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2003. – С.141
57. Корнетов, Г.Б. Педагогические парадигмы базовых моделей образования: Учебное пособие [Текст] / Г.Б. Корнетов. – М.: УРАО, 2001
58. Королёв, Ф. Ф. В. И. Ленин и педагогика [Текст] / Ф. Ф. Королёв – М.: Педагогика, 1971
59. Краевский, В.В. Основы обучения: дидактика и методика: учебное пособие для студентов высших учебных заведений [Текст] / В.В. Краевский. – М.: Академия, 2007
60. Кредер, А.А. Новейшая история зарубежных стран. 1914 – 1997: Учебник для 9 класса основной школы. [Текст] / А.А. Кредер. – 2-е изд., доп. и исправ. – М.: ЦГО, 1999
61. Кудряшов, С. Жертвование через огонь. [Текст] / С. Кудряшов // Родина. – 2002. – № 4-5. – С. 161-165

62. Кулиш, В.М. Советская историография Великой Отечественной войны. [Текст] / В.М. Кулиш // Советская историография. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т. 1996. – С. 274
63. Левандовский, А.А., Щетинов, Ю.А. Россия в XX веке: Учеб. для 10 – 11 кл. общеобразоват учреждений. [Текст] / А.А. Левандовский, Ю.А. Щетинов. – М.: Просвещение, 1997
64. Леднев, В.С. Содержание образования [Текст] / В.С. Леднев М.: Высшая школа, 1989
65. Леднев, В.С. Содержание образования: сущность, структура, перспективы. [Текст] / В. С. Леднев. – М.: Высш. шк., 1991
66. Лернер, И.Я. Учебный предмет, тема, урок [Текст] / И.Я. Лернер. – М.: Знание, 1988
67. Логвинов, И.И. Наука и учебный предмет: Некоторые вопросы теории учебного предмета. [Текст] / И.И. Логвинов. – М.: Педагогическое общество РСФСР, 1968
68. Майер, Р. Роль учебников на уроках истории в сегодняшней Европе. [Текст] / Р. Майер // Преподавание истории в школе. – 2000. – №8. – С.53
69. Малькова, З.А., Вульфсон, Б.Л. Современная школа и педагогика в капиталистических странах: Учеб. пособие для педагогических институтов [Текст] / З.А. Малькова, Б.Л. Вульфсон. – М.: Просвещение, 1975
70. Маткин, А.А. Единый учебник истории для Европы [Текст] / А.А. Маткин // <http://www.vedu.ru/index.asp?cont=index&news=3120>
71. Мерцалов, А.Н. Великая Отечественная война в историографии ФРГ. [Текст] / А.Н. Мерцалов. – М.: Наука, 1989
72. Мерцалов, А.Н., Мерцалова, Л.А. Между двумя крайностями, или кто соорудил «Ледокол». [Текст] / А.Н. Мерцалов, Л.А. Мерцалова // Военно-исторический журнал. – 1994. – № 5. – С. 80

73. Мерцалов, А.Н., Мерцалова, Л.А. Отечественная историография Второй мировой войны: Некоторые итоги и проблемы. [Текст] / А.Н. Мерцалов, Л.А. Мерцалова // Вопросы истории. – 1996. – № 9. – С. 145
74. Мировая война 1939–1945 гг.: Взгляд побежденных. [Текст] – М., 2002
75. Митрофанов, К.Г. К вопросу о компетенции историка [Электронный ресурс] / К.Г. Митрофанов // <http://www.shkp.ru/lib/comm/s2003/3>
76. Митрофанов, К.Г. Как правильно работать с тестами по истории [Текст] / К.Г. Митрофанов, В.В. Шаповал. – М.: Новый учебник, 2004
77. Мутовкин, И.С., Селяничев, А.К. Великая Отечественная война в советской историографии [Текст] / И.С. Мутовкин, А.К. Селяничев // Очерки по историографии советского общества: Сб. ст. / Под ред. М.Е. Найденова, С.Ф. Найды, Л.М. Панина. – М.: Издательство Московского университета, 1967
78. Нарочницкая, Н.А. За что и с кем мы воевали. [Текст] / Н.А. Нарочницкая. – М.: «Минувшее», 2005
79. Наука и учебный предмет. [Текст] // Советская педагогика. – 1965. – №7. – С. 3
80. Некрич, А.М. 1941, 22 июня. [Текст] / А.М. Некрич. – М.: Памятники ист. мысли, 1995
81. Новейшая история (1939 – 1968 гг.): Учеб. пособие для X кл. ср. школы. [Текст] / Под ред. П.М. Кузьмичева и В.А. Орлова. – М.: Просвещение, 1969
82. Новейшая история (1939 – 1976): Учеб. пособие для X класса средней школы. [Текст] / П.М. Кузьмичев, Г.К. Левин, В.А. Фролов, Л.М. Предтеченская, В.К. Фураев; Под ред. В.К. Фураева. – М.: Просвещение, 1977
83. Новейшая история (1939 – 1982 гг.): Учеб. пособие для 10 кл. ср. школы. [Текст] / Под ред. В.К. Фураева. – М.: Просвещение, 1983

84. Новейшая история (1939 – 1986): Учеб. пособие для 10 кл. сред. шк. [Текст] / В.К. Фураев, П.М. Кузьмичев, Ю.С. Гиренко и др.; Под ред. В.К. Фураева. – 17-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1987
85. Новейшая история (1939 – 1988): Учебник для 11 кл. сред. шк. [Текст] / С.С. Волк, Л.Е. Кертман, Г.Р. Левин и др.; Под ред. В.К. Фураева; Редкол. А.Л. Нарочницкий и др. – М.: Просвещение, 1989
86. Новейшая история зарубежных стран. XX век: Пособие для учащихся 10 – 11 классов общеобразоват. учебных заведений. [Текст] / Под ред. А.М. Родригеса: В 2 ч. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001
87. Новейшая история зарубежных стран. XX век: Учеб. для уч-ся 11 кл. общеобразоват. учебных заведений. [Текст] / Под ред. А.М. Родригеса. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001
88. Новейшая история, 1939 – 1992: Учеб. кн. для 11 кл. сред. шк. [Текст] / С.С. Волк, Г.Р. Левин, О.Б. Островский и др.; Под ред. В.К. Фураева. – М.: Просвещение, 1993
89. О разработке истории Великой Отечественной войны Советского Союза [Текст] // Вопросы истории. – 1955. – № 5. – С. 3
90. Овсяный, И.Д. Тайна, в которой война рождалась (как империалисты подготовили и развязали Вторую мировую войну). [Текст] / И.Д. Овсяный. – М.: Издательство политической литературы, 1971
91. Орлов, А.С., Рогалев, А.П. Американская и английская историография Второй мировой войны (1939 – 1945 гг.) [Текст] / А.С. Орлов, А.П. Рогалев // Великая Отечественная война: историография: Сб. обзоров. – М.: РАН, 1995. – С. 80
92. Освободителей записали в «оккупанты»: Опасные игры с историей [Текст] // Российская газета. – 2000. – 10 марта. – С. 13
93. Островский, В.П., Уткин, А.И. История России. XX век. 11 кл.: Учеб. для общеобразоват. учеб. заведений. [Текст] / В.П. Островский, А.И. Уткин. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Дрофа, 1999

94. Ответ Иосифа Виссарионовича Сталина на письмо полковника Е. Разина [Текст] / И. В. Сталин // Большевик. – 1947. – № 3. – С. 7
95. Очерки по историографии советского общества. [Текст]. – М.: Издательство «Мысль», 1965
96. Павлова, Н.В. Великая Отечественная война в школьном курсе истории. [Текст] / Н.В. Павлова // Проблемы содержания современного учебника отечественной истории: Материалы городской науч.-практич. конференции 9 апр. 1997 г. – Липецк, ЛГИУУ, 1997. – С. 27
97. Панкратова, М.А., Силопс, В.Я. Почему не удалось предотвратить войну? Московские переговоры СССР, Англии и Франции 1939 г. [Текст] / М.А. Панкратова, В.Я. Силопс. – М.: Наука, 1970
98. Пасынкова, С.В. Аспектный подход к изучению исторических событий [Текст] / С.В. Пасынкова // Преподавание истории и обществознания в школе. – 2003. – № 5. – С. 59
99. Педагогика: Учебное пособие для студентов педагогических учебных заведений [Текст] / В.А. Сластенин, И.Ф. Исаев, А.И. Мищенко, Е.Н. Шиянов. – 3-е изд. – М.: Школа-Пресс, 2000
100. Педагогический словарь. [Текст]. – М: АПН СССР, 1960
101. Педагогический энциклопедический словарь [Текст] / Гл. ред. Б.М. Бим-Бад; Редкол.: М.М. Безруких, В.А. Болотов, Л.С. Глебова и др. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2003
102. Плетников, Ю.К. Великая Отечественная война: мифы и реалии полвека спустя [Текст] / Ю.К. Плетников // Диалог. – 1995. – № 5/6. – С.75
103. Поляков, Ю.А. Историческая наука: люди и проблемы. Книга 2. [Текст] / Ю.А. Поляков. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004
104. Равкин, З.И. Народное образование в РСФСР [Текст] / З.И. Равкин. – М.: Просвещение, 1970

105. Розанов, Г.Л. Сталин. Гитлер: документальный очерк советско-германских дипломатических отношений 1939 – 1941 гг. [Текст] / Г.Л. Розанов. – М.: Международные отношения, 1991
106. Росенко, И.А. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны [Текст] / И.А. Росенко // Вопросы истории и историографии Великой Отечественной войны: Межвуз. Сборник / Под ред. И.А. Росенко, Г.Л. Соболева. – Л., Изд-во Ленинградского университета, 1989. – С. 15
107. Россия (1856–1917) и Германия (1871–1918): Две империи в историографии и школьных учебниках: Сборник статей. [Текст]. – М.: МИРОС, 1999
108. Самнер, У. Народные обычаи [Текст] / У. Самнер // Рубеж – 1998. – № 12
109. Самсоненко, Г.Г. Отечественная и немецкая историография о роли СССР в победе над Германией в годы Второй мировой войны (1941 – 1945гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. [Текст] / Г.Г. Самсоненко. – СПб., 2002
110. Селиверстова, Н. Учебники в системе русскоязычного образования: социокультурное взаимодействие России со странами СНГ и Балтии [Текст] / Н. Селиверстова // Народное образование. – 2004. – №2. – С.16
111. Скаткин, М.Н. Теоретические основы содержания общего среднего образования [Текст] / М.Н. Скаткин, В.С. Цетлин, В.В. Краевский и др.; Под ред. В.В. Краевского, И.Я. Лернера. – М.: Педагогика, 1983
112. Скаткин, М.Н. Наука и учебный предмет [Текст] / М.Н. Скаткин // Советская педагогика. – 1945. – №3. – С. 3
113. Смирнов, Н.В школьных учебниках – фальсификация и ... пошлость [Текст] / Н.В. Смирнов // Народное образование. – 2005. – №5. – С. 165
114. Соколов, Б. Цена победы и мифы Великой Отечественной [Текст] / Б. Соколов // Свободная мысль–XXI. – 2005. – № 5. – С. 37

115. Сороко-Цюпа, О.С. и др. Мир в XX веке: Учеб. для 11 класса общеобразоват. учреждений. [Текст] / О.С. Сороко-Цюпа, В.П. Смирнов, А.И. Строганов; Под ред. О.С. Сороко-Цюпы. – 4-е изд., дораб. – М.: Дрофа, 2000
116. Сороко-Цюпа, О.С. Новейшая история зарубежных стран, XX - начало XXI века: Учеб. для 9 кл. общеобразоват. учреждений. [Текст] / О.С. Сороко-Цюпа, А.О. Сороко-Цюпа. – 5-е изд. – М.: Просвещение, 2003
117. Сороко-Цюпа, О.С. Новейшая история зарубежных стран, XX - начало XXI века: Учеб. для 9 кл. общеобразоват. учреждений. [Текст] / О.С. Сороко-Цюпа, А.О. Сороко-Цюпа. – 8-е изд. – М.: Просвещение, 2006
118. Степанищев, А.Т. История России: преподавание в школе: Учеб. пособие. [Текст] / А.Т. Степанищев. – М.: Гардарики, 2001
119. Суворов, В. Аквариум. [Текст] / В. Суворов. – М.: Изд. дом «Новое время», 1993
120. Суворов, В. Ледокол: Кто начал Вторую мировую войну? [Текст] / В. Суворов. – М.: АСТ, 1999
121. Тельпуховский, Б.С. Советская историческая литература о руководящей роли КПСС в Великой Отечественной войны. [Текст] / Б.С. Тельпуховский // Историография Великой Отечественной войны: Сб. ст. – М.: Издательство «Наука», 1980. – С. 37
122. Теоретические основы содержания общего среднего образования. [Текст] / Под ред. В.В. Краевского, И.Я. Лернера. – М.: Педагогика, 1983
123. Томилин, В.Н. Мифы о Великой Отечественной войне в школьном учебнике истории [Текст] В.Н. Томилин // Проблемы содержания современного учебника отечественной истории: Материалы городской науч.-практич. конференции 9 апр. 1997 г. – Липецк, ЛГИУУ, 1997. – С. 29
124. Фальсификаторы истории: Справка Совинформбюро. [Текст]. – М.: Совинформбюро, 1947

125. Федеральный закон: Выпуск 15 (90). Об образовании. [Текст]. – М.: ИНФРА-М, 2003
126. Ферро, М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира: Пер. с фр. [Текст] / М. Ферро. – М.: Высш. шк., 1992
127. Философская энциклопедия. [Текст] / Под ред. Ф. Р. Константинова. – М: Изд-во «Советская энциклопедия», 1964. – Т. 3
128. Философский энциклопедический словарь. [Текст]. – 2-е изд. – М.: «Советская энциклопедия», 1989
129. Фролов, М.И. Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг. в немецкой историографии. [Текст] / М. И. Фролов. – СПб., 1994
130. Фрумин, И. Ориентация на результат: Обучение детей становится сложнее и многограннее. [Электронный ресурс] / И. Фрумин // <http://www.ug.ru/issues/?action=topic&toid=1545>
131. Фурлова, О.И. Проблемы современного учебника истории. [Текст] / О.И. Фурлова // Проблемы содержания современного учебника отечественной истории: Материалы городской науч.-практич. конференции 9 апр. 1997 г. – Липецк, ЛГИУУ, 1997. – С. 1
132. Хвостов, В.М., Грылев, А.Н. Накануне Великой Отечественной войны. [Текст] / В.М. Хвостов, А.Н. Грылев // Коммунист. – 1968. – №12. – С. 56
133. Хвостова, В.К. История: проблемы познания. [Текст] / В.К. Хвостова // Вопросы философии. – 1997. – №4. – С. 61
134. Хоффман, И. Подготовка Советского Союза к наступательной войне. [Текст] / И. Хоффман // Отечественная история. – 1993. – №4. – С. 19
135. Черчилль, У. Вторая мировая война: Пер. с англ. [Текст] / У. Черчилль. Под ред. А. Орлова. – М.: Терра – TERRA, 1998. – в 5 тт.
136. Чубарьян, А.О. Концептуальные основы преподавания отечественной истории XX века. [Текст] / А.О. Чубарьян // Новая и новейшая история. – 2002. – №3. – С. 12

137. Шестаков, В.А. История Отечества, XX век: Учеб. для 9 кл. общеобразоват. учреждений. [Текст] / В.А. Шестаков, М.М. Горинов, Е.Е. Вяземский; Под ред. А.Н. Сахарова. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 2001
138. Эйдельман, Т. «История не бывает одинаковой...». [Текст] / Т. Эйдельман // Преподавание истории в школе. – 1996. – №5. – С. 37
139. Юдовская, А.Я. Выбираем учебник. [Текст] / А.Я. Юдовская // Преподавание истории и обществознания в школе. – 2004. – №1. – С.39
140. Якушевский, А.С. Западная историография Великой Отечественной войны Советского Союза: этапы и основные концепции (1941 – 1991): дисс. в форме научного доклада... докт. ист. наук. [Текст] / А.С. Якушевский. – М., 1997
141. Якушевский, А.С. Многотомное издание «Германский рейх и Вторая мировая война» [Текст] / А.С. Якушевский // Новая и новейшая история. – 1994. – №3. – С.242
142. Against bias and prejudice. The Council of Europe's work on history teaching and history textbooks [Текст] / Council of Europe. Strasbourg, 1995
143. ANNO, 4. [Текст] / Hrsg. von B. Askani u. E. Wagener. - Braunschweig: Westermann, 1997 - BD. 4: Das 20. Jahrhundert /Erarb. von B. Askani e.a. – 1997
144. Baily, T. America faces Russia. [Текст] / T. Baily. – N. Y., 1950
145. Boorstin, D. A history of the United States. [Текст] / D. Boorstin. – Lexington: Ginn and company, 1981
146. Browning, C. R. Ganz normale Manner: Das Reserve-Polizeibataillon 101 und die "Endlosung" in Polen. [Текст] / C. R. Browning. - Reinbeck, 1993
147. Chiari, B. Alltag hinter der Front. Besatzung, Kollaboration und Widerstand in Weißrussland 1941-1944. [Текст] / B. Chiari. - Düsseldorf, 1998
148. Communism power in Europe, 1944 – 1949. [Текст] / Ed. by McCauley M. - London, 1977

149. Crawford, K. Constructing national memory: The 1940/41 Blitz in British history textbooks. [Текст] / K. Crawford // Internationale Schulbuchforschung. – 2001. – 23, №3. – S. 323
150. Cross, R. Citadel: The battle of Kursk. [Текст] / R. Cross. – L., 1943
151. Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. [Текст]. - Stuttgart, 1983
152. Deutschland zwischen Diktatur und Demokratie – Weltpolitik im 20 Jahrhundert. [Текст]. – Bamberg: C. C. Buchners Verlag, 1996
153. Dieckmann, C., Quinkert, B., Tönsmeier, T. Kooperation und Verbrechen. Formen der „Kollaboration“ im östlichen Europa 1939–1945. [Текст] / C. Dieckmann, B. Quinkert, T. Tönsmeier. – Göttingen, 2003
154. Dupuy, T., Martell, P. Great battles on the eastern front: The soviet-german war, 1941–1945. [Текст] / T. Dupuy, P. Martell. – Indianapolis, 1982
155. Erinnern und Urteilen, 9: Geschichte für Bayern. [Текст] / L. Bernlochner, W. Fleischer, U. Schüren, K. Sieber, D. Weber. – Stuttgart, 1997
156. Erlebnis Geschichte 9. Ausgabe B. [Текст] / H. von J. Schwandher. – München: Oldenbourg Verlag, 1993
157. Eubank, K. The origins of World War II. [Текст] / K. Eubank. – N. Y., 1969
158. Fisher, M. The American's history. [Текст] / M. Fisher. – Lexington, 1975
159. Frei, N. Ein Volk von "Endlosern"? [Текст] / N. Frei //Suddeutsche Zeitung – 1996 – 13, April
160. Gerlach, C., Morde, K. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrussland 1941 bis 1944. [Текст] / C. Gerlach, K. Morde. - Hamburg, 1999
161. Geschichte heute 9/10 Schuljahr. [Текст] / Bearbeitet von Karl Hermann Beek e. a. - Hannover, 1988
162. Geschichte und Geschehen, A4: Geschichtliches Unterzichtswerk fuer die Sekundarstufe. [Текст] / K. Bergmann, L. Bernlochner, R. Brixius e.a. – Stuttgart: Klett, 1997
163. Geschichtsbuch Oberstufe. Band 2. Das 20 Jahrhundert. [Текст] / H. von H. Günther-Arndt, D. Hoffmann, N. Zwölfer. – Berlin: Cornelsen Verlag, 1996

164. Geschichts-Kurse für die Sekundarstufe II. [Текст] / H. von H. Prokasky und M. Tabaczer. Band 6. – Paderborn: F. Schöningh Verlag, 1994
165. Goldhagen, D. J. Hitlers willige Vollstrecker: Ganz gewöhnliche Deutsche und der Holocaust. [Текст] / D. J. Goldhagen - Berlin, 1996
166. Healy, M. Kursk 1943: The tide turns in the East. [Текст] / M. Healy. – L., 1992
167. Heydemann, G. Die DDR-Vergangenheit im Spiegel des NS-Regimes? Zur Theorie und Methodologie des empirischen Diktaturenvergleichs. [Текст] / G. Heydemann // Internationale Schulbuchforschung. – 2000. – 22, №4. – S. 407
168. History teaching and the promotion of democratic values and tolerance: A handbook for teachers. [Текст] / Council of Europe. Strasbourg, 1996
169. Hoffmann, M., Osburg, F., Schültzen, H. Aufstieg und Zerfall einer Weltmacht: Die Sowjetunion von 1917 bis 1991. [Текст] / M. Hoffmann, F. Osburg, H. Schültzen. – Nürnberg: Klischee Döss GmbH, 1994
170. Joffe, J. Hitlers willige Henker, Oder: Die "gewöhnliche Deutschen" und der Holocaust. [Текст] / J. Joffe // Süddeutsche Zeitung. 1996. 13. April
171. King, R. Our country: history and present. [Текст] / R. King. – L., 1981
172. Kowts K. The history of Great Britain. [Текст] / Kowts K. – L., 1978
173. Lessons in history: The Council of Europe and the teaching of history. [Текст] / Pref. by D. Tarschys. – Strasbourg: Council of Europe, 2000
174. Lindaman, D., Ward, K. Foreign textbooks in American history classroom. [Текст] / D. Lindaman, K. Ward // Internationale Schulbuchforschung. – 2003. – Jg. 25, H. 1/2. – S. 41
175. Lomas, T. Teaching and Assessing Historical Understanding (Revised Edition). [Текст] / T. Lomas. – L.: The Historical Association, 1993
176. Low-Beer, A. The Council of Europe and History. [Текст] / A. Low-Beer. – Strasbourg, 1997
177. Müller, R. D. Hitlers Ostkrieg und die deutsche Siedlungspolitik. Die Zusammenarbeit von Wehrmacht, Wirtschaft und SS. [Текст] / R. D. Müller. - Frankfurt am Main, 1991

178. Nicholls, J. The portrayal of the atomic bombing of Nagasaki in US and English school history textbooks [Текст] / J. Nicholls // Internationale Schulbuchforschung. – 2003. – Jg. 25, H. 1/2. – S. 63
179. Nolte, E. Der Europäische Bürgerkrieg. 1917–1945: Nationalsozialismus und Bolschewismus. [Текст] / E. Nolte. – Propiläen, 1997
180. Nowak, A. The world history. [Текст] / A. Nowak. – N. Y., 1981
181. Oldenbourg Geschichte fuer Gymnasien, 13. [Текст] / Hrst. von M. Treml; Ezarb. von M. Franze e.a. – Muenchen: Oldenbourg, 1994
182. Piekalkiewicz, J. Die Schlacht um Moskau: Die erfrorene Offensive. [Текст] / J. Piekalkiewicz. – Bergisch Gladbach, 1981
183. Politik und Geschichte des 19 und 20 Jahrhunderts. [Текст] / H. Rückert und Oberhettinger. – Paderborn, München, 1978
184. Rebuilding a common future: for a critical approach to history teaching. [Текст] / Symposium (2000; Sarajevo) – Strasbourg, 2000
185. Richard, R. The history of our country and world. [Текст] / R. Richard. – Boston, 1973
186. Rueckspiegel: Woher wir Kommen – wer wir sind. [Текст] / Hrsg. von H. – J. Lenzian U. R. Schoerken. – Paderborn: Schoeningh, 1996
187. Shenton, J. P., Benson, J. R., Jakoubek, R. E. These United States. [Текст] / J. P. Shenton, J. R. Benson, R. E. Jakoubek. – Boston: Houghton M. Company, 1978
188. Spring, J. H. American education: an introduction to social and political aspects. [Текст] / J. Spring. – 4th ed. – New York, London: Longman, 1989
189. Strobinger, R. Stalin enthauptet die Rote Armee: Der Fall Tuchatschevskij. [Текст] / R. Strobinger. – Stuttgart, 1990
190. The bombers: strategy and tactics. [Текст]. – L., 1986
191. The historical encyclopedia of World War II. [Текст] / Ed. by Baudot M. – L., 1981
192. The history of the United States of America. [Текст] / O. Obershift, H. White. – N. Y., 1998

193. The teaching and learning of history and geography. [Текст] – L.: The Stationary Office Book, 1993
194. The United States of America: history and present. [Текст] / M. Fisher, F. Boorlin – Washington, 1973
195. Treffpunkt Geschichte. Band 3 für die 9 Jahrgangsstufe der Realschulen. [Текст]. – Bamberg: C. C. Buchners Verlag, 1997
196. Tumarkin, N. The Living and the Dead. The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia. [Текст] / N. Tumarkin. - N. Y., 1994
197. Understanding Our country: Understanding the Social sciences program [Текст] / King F., Rudman H. – L.: River Forest, 1979
198. White, K. The American's history. [Текст] / K. White. – N. Y., 1983
199. Woolf, V. The world history and geography. [Текст] / V. Woolf. – N. Y., 1996
200. Zwei Wege nach Moskau: Vom Hitler – Stalin Pakt bis zum „Unternehmen Barbarossa“. [Текст] – Freiburg, Munchen, 1994

Содержание

Введение.....	с. 3
Глава 1. Историческая наука как фактор формирования содержания школьного исторического образования	с. 7
1.1. Влияние исторической науки на содержание школьного исторического образования.....	с. 9
1.2. Подходы к освещению событий Второй мировой войны в зарубежной историографии.....	с. 23
1.3. Трансформация подходов к освещению событий Второй мировой войны в советской и постсоветской исторической науке.....	с. 44
Глава 2. Освещение ключевых событий Второй мировой войны в отечественных и зарубежных школьных учебниках.....	с. 69
2.1. Трактовки ключевых событий Второй мировой войны в учебниках США и Великобритании.....	с. 72
2.2. Трактовки ключевых событий Второй мировой войны в немецких учебниках.....	с. 83
2.3. Трактовки ключевых событий Второй мировой войны в отечественных учебниках.....	с. 93
Заключение.....	с. 112
Литература.....	с. 115